

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

А. Н. Шохин: Мы начинаем нашу работу, просьба занимать места. Как вы видите, президиум вовремя занял свои места, чего и вам желаем.

Уважаемые друзья, у нас сегодня праздник. На входе все друг друга поздравляли с ним. Это шестнадцатая апрельская научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Эта конференция стала одним из заметных событий и в академической, университетской жизни, и в общественно-политической жизни. Я хотел бы, пользуясь случаем, в очередной раз поблагодарить научного руководителя ВШЭ, профессора Ясина за то, что он шестнадцать лет назад этот проект начал реализовывать. Он действительно стал теперь одним из регулярных, ежегодных заметных событий как в научной, так и в общественно-политической жизни.

Мы хотели бы, чтобы наша конференция поставила целый ряд вопросов перед научным сообществом, лицами, принимающими решения, и в то же время дала ответы на как минимум часть этих вопросов. Мы несколько изменим, наверно, порядок ведения конференции по сравнению с тем, который обозначен у нас в программе пленарных заседаний. Мы договорились следующим образом: сначала мы заслушаем основные доклады, по сути дела, двух ведущих вузов, которые являются главными экспертными площадками для правительства и администрации президента: РАНХиГС и ВШЭ. С этими докладами выступят Владимир Александрович Мау и Евгений Григорьевич Ясин, а затем в режиме дискуссии проведем дальнейшее пленарное заседание. Предполагается, что не все сидящие за этим столом будут делать доклады каждый на свою тему, а попробуем пообсуждать ключевые положения основных докладов.

В этой связи я хотел бы предоставить слово ректору РАНХиГС, профессору Владимиру Александровичу Мау. Пожалуйста. Мы договорились, что Владимир Александрович будет зажигать аудиторию.

В. А. Мау: Честно говоря, для меня постановка в качестве основного докладчика, первого докладчика достаточно неожиданна. Мы не договорились, в течение какого времени я должен зажигать аудиторию. Временные рамки можно?

Я. И. Кузьминов: Будем считать, пока Греф не придет.

В. А. Мау: А если он придет в будущем году?

Я. И. Кузьминов: Ты историк, у тебя должно материала хватить.

А. Н. Шохин: Владимир Александрович, тогда технический перерыв через два часа работы.

В. А. Мау: Понятно.

Уважаемые коллеги, действительно, шестнадцатая конференция означает пятнадцать лет, я хочу поздравить и Ярослава Ивановича, и Евгения Григорьевича, и Александра

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Николаевича с замечательным мероприятием, которое действительно является знаковым в интеллектуальной жизни страны. Сейчас она еще и совпадает, я не знаю, все ли помнят, с – я не хочу сказать, с «Апрельскими тезисами» В. И. Ленина, но определенно с тридцатилетием перестройки. Перестройка, начатая в 1985 году, обычно привязывается к апрелю. Сейчас период подводить итоги.

В какой-то мере это вещь обнадеживающая, потому что тогда многие спрашивали: а долго ли будет длиться переходный, трансформационный период? Кто-то говорил «несколько месяцев», кто-то – «несколько лет», но наиболее ответственные, исторически продвинутые люди говорили, что сорок лет, потому что это примерно совпадает с периодом, пока избранный народ был ведом Моисеем между Египетскими котлами и Землей обетованной. В общем, поскольку наш народ является, несомненно, избранные, это, на мой взгляд, означает, что осталось достаточно немного. Следующее десятилетие завершится построением нового, стабильного, эффективного общества.

В этой связи я хотел как раз поговорить о том, что это вовсе не доклад нашей Академии, это будет мое мнение, мои взгляды на вызовы, проблемы, развитие в настоящее время.

Прежде всего с оценки ситуации. Владимир Владимирович Путин в начале 2009 года в Давосе сказал, что мир тогда попал в идеальный шторм. Мы скорее попали в него сейчас, поскольку именно сейчас наложилось несколько различных кризисов, их так или иначе можно свести к трем группам. С одной стороны, мы проходим через глобальный кризис, аналогичный 30 и 70 годам прошлого века, который начался в 2008 году и с разной скоростью идет в различных странах. У нас есть проблемы бизнес-цикла, инвестиционная динамика. Динамика производства показывает, что мы находимся в нижней точке инвестиционного цикла. И наконец, мы находимся в ситуации двойных внешних шоков: это и цены на нефть, и финансовые санкции, которые задают внешние негативные параметры нашего развития.

Собственно, каждый из этих кризисов и шоков достаточно известен из экономической истории, сложностью, как всегда, является их комбинация, сочетание и особенно то, что меры антикризисной политики в каждом из этих случаев не только различны, но и часто противоположны. Классический пример: если у нас нижняя фаза бизнес-цикла, то надо экономику стимулировать, если у нас внешний шок, то надо экономику и бюджет консолидировать. Вся экономическая дискуссия так или иначе разворачивается между этими двумя, часто противоположными, сюжетами.

За последние тридцать лет мы прошли через много кризисов, пожалуй, мы испытали практически все возможные типы кризисов, которые известны экономической истории. В дискуссии, которая сейчас идет, часто сравнивают, как современное развитие соотносится с 1998 или 2008-2009 годами. Мне уже приходилось говорить, что в моем понимании наиболее важно учитывать, помимо этих двух кризисов, кризис тридцатилетней давности, потому что именно в середине 1980 годов советская экономика как раз попала в схожую ситуацию. Замедление темпов роста на фоне двойного финансового шока. Цены на нефть,

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

это известно, и если говорить об аналоге финансовых санкций – это антиалкогольная кампания. С точки зрения финансовых последствий очень схожие. Советская экономика лишилась двух основных источников бюджета, как он формировался на протяжении предыдущих пятнадцати лет, это, собственно, стало очень серьезной проблемой для ее дальнейшего развития. Понятно, что модель ускорения, выбранная поначалу, связанная с бюджетным маневром от потребления к инвестициям, оказалась неэффективной. Она подняла номинальные темпы роста на два года, но потом институциональные проблемы не дали экономике развиваться достаточно эффективно.

Переходя к современным проблемам, современной ситуации, на основе накопленного опыта и этой оценки я бы хотел обозначить несколько параметров, приоритетов, которые, мне кажется, в настоящее время наиболее актуальны. Прежде всего мы должны вернуться к проблеме дезинфляции. Эта проблема у нас была не очень остра в последние годы, но опять, как и на рубеже девяностых-двухтысячных годов, проблема высокой инфляции является, на мой взгляд, ключевой. Именно с возможностью подавления инфляции связана и политика формирования инвестиционного климата, и процентных ставок, и всего того, что вытягивает долгосрочный экономический рост.

Как и в девяностые годы, на мой взгляд, проблема инфляции имеет прежде всего политэкономический характер, поскольку сейчас есть риск того, что политическая поддержка инфляции будет довольно сильной. Мы знаем по девяностым годам, что в инфляции заинтересованы банки, торговля и в значительной мере неэффективные предприятия, поскольку инфляция дает прибыли одним и возможность не структурироваться другим.

В этом смысле проинфляционный консенсус, на мой взгляд, представляется важным. На него надо обращать серьезное внимание. Отсюда очень важно избежать ловушки инфляционной спирали, автоматического индексирования доходов, я уже не говорю об инвестициях по латиноамериканской модели, ведь можно еще и инвестиции индексировать. Индексация доходов по мере инфляции, поскольку это может превратить процесс в бесконечный.

С другой стороны, если цены на нефть не будут высоки, то как мне представляется, у нас появляются лучшие условия для подавления инфляции, поскольку мы фактически оказываемся избавленными от голландской болезни и того барьера на пути быстрого подавления инфляции, который у нас был предыдущие пятнадцать лет, когда подавление инфляции было связано со слишком агрессивным валютным курсом и с риском для внутренней конкурентоспособности. Если цены на нефть не будут расти, то этой проблемы не будет, что позволяет решить проблему выхода на искомые 4% инфляции к 2017-2018 году. Мне кажется, это очень важно, хотя уже сейчас есть очень сильная критика этой позиции, поскольку она предполагает в том числе и бюджетную консолидацию, поскольку подавление инфляции сокращает номинальные доходы бюджетов разных уровней, создает проблему повышения их эффективности.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Ярослав Иванович, Герман Оскарлович появился, я могу завершать?

Я. И. Кузьминов: Можете не завершать, пусть Герман Оксарович послушает.

В. А. Май: Второй вопрос – это, конечно, бюджет, бюджетный маневр, необходимость не просто консолидации бюджета, а четкого определения бюджетных приоритетов. С точки зрения эффективности и влияния бюджетных расходов на рост исследования самых разных научных школ, равно как и опыт последних пятидесяти лет, показывают, что наиболее эффективны вложения в транспортную и социальную инфраструктуру с точки зрения стимулирования долгосрочного экономического роста. Я еще раз хочу подчеркнуть, социальная и транспортная инфраструктура не сводится к зарплатам в тех или иных секторах. Это означает развитие отраслей человеческого капитала и инфраструктурных отраслей.

Я в последние месяцы часто цитирую одно высказывание министра финансов Абаза, сказанное еще в 1880 году, как он видел тогда бюджетный маневр. Я хочу его повторить. Он видел его почти так, как мы сейчас. Он считал, что необходимо с точки зрения повышения эффективности бюджета Российской Империи сокращать армию и расходы на госуправление, при этом увеличивать расходы на образование, судебную систему и пути сообщения. Если к этому добавить здравоохранение, мы получаем понятный маневр. Это было из его доклада в Государственном Совете 31 декабря 1880 года. Правда, через два месяца сменился император, через четыре месяца – министр финансов. Но следующие четыре министра финансов проводили ровно эту политику. Они открывали университеты, они строили железные дороги. Совершенствование судебной системы там приняло своеобразные формы. И не воевали. До Японской войны примерно такая политика и проводилась правительством.

Третье направление, о котором я хочу сказать – все-таки понимание импортозамещения. Импортозамещение – лозунг дня, очень важный, но у нас в дискуссии как-то переплетаются четыре подхода к импортозамещению. Есть импортозамещение как замена норвежской рыбы белорусской. Это самый простой путь импортозамещения, который понятен. Второй путь – замена норвежской рыбы латиноамериканской или южноафриканской, что, в общем, тоже импортозамещение, может быть, более прозрачное, но более дорогое. Есть третий путь – замена иностранных товаров отечественными, более дорогие, худшего качества. Закрывание рынка, классическая модель импортозамещения конца двадцатых – начала тридцатых годов.

И, наконец, импортозамещение как стимулирование производства внутренних товаров, которые конкурентны и на международном рынке, то есть импортозамещение через конкуренцию, если угодно, экспортно ориентированное импортозамещение. В этом смысле мне представляется, что мы должны говорить и обсуждать модель импортозамещения именно этого четвертого свойства. Не навязывать отечественному потребителю свои товары по более высокой цене, более низкого качества, а все-таки поддерживать те сектора, которые способны производить продукцию одинаково

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

конкурентоспособную на внутреннем и внешнем рынке, тем более что валютный курс это позволяет. Объективные макроэкономические предпосылки для этого имеются. Именно поэтому мне представляется очень важным сейчас в том числе и не принимать меры по ограничению не сырьевого экспорта. Конечно, сейчас очень часто сталкиваешься с ситуациями и опасениями, что экспорт зерна стал эффективен, а вдруг нам нечего будет есть, давайте ограничим экспорт зерна. Металл на экспорт стали эффективны, давайте ограничим экспорт металла, и так далее. Как бы ни звучали опасения о том, что будет нечего есть или не хватит металла, я считаю, что очень важно в настоящее время ни в коей мере не ограничивать возможности не сырьевого экспорта. Кстати, это же предполагает более осторожную политику по ограничению импорта, потому что в современном мире, мире цепочки добавленной стоимости та страна больше экспортирует не сырьевых товаров, которая больше импортирует, потому что в этом смысле наша модель внешней торговли... Старую меркантилистскую модель внешней торговли критикуют давно, но в современных условиях отказ от традиционного меркантилизма, что внешняя торговля должна обеспечивать больший вывоз и меньший ввоз, категорически не работает, потому что сама модель внешнеэкономических связей в настоящее время, в 21 веке существенным образом изменилась.

Из других пунктов, чтобы не затягивать выступление, я, конечно, обращаю внимание на то, что мы опять оказались перед задачей стимулирования инвестиций. Мне кажется, если устанавливать какие-то KPI губернатором, что само по себе сомнительно, то, конечно, по привлечению инвестиций, потому что еще несколько лет назад, сколько бы мы ни говорили об инвестициях, объем дешевых денег, доступность дешевых кредитов позволяла не так заботиться о штучной работе с инвесторами, как это необходимо в настоящее время. Мне представляется, работа над инвестиционным климатом и инвестициями важна более, чем когда бы то ни было.

Поскольку Герман Оскарович пришел, а это определяет рубеж моего выступления, мы так договорились, не останавливаясь подробнее на всех других аспектах. Я хочу в завершение сказать, что все-таки ключевые вопросы нашего экономического развития, ключевые проблемы лежат не в чисто экономической плоскости, а в плоскости государственного управления, применения законодательства, правоприменительной практики и всего того, что определяется словом «комфортная среда для человека, гражданина и бизнеса».

Недавно я столкнулся с такой фразой из 1882 года, когда генерал Скобелев, выступая в Париже, заявил, что капиталы нам не нужны, поэтому нечего церемониться с капиталистами. Ротшильд немедленно заявил, что он бойкотирует покупку российских ценных бумаг, раз один из ведущих, правда, молодых, генералов так относится к бизнесу. После этого министр финансов Бунге долго объяснял, что генерал не влияет на финансовую политику, что Скобелев ничего такого не имел в виду. В этом смысле очень важно не принимать решения, которые требуют потом длинных объяснений, что имели или не имели в виду.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Наконец, последний скетч, я им завершаю почти все выступления в последнее время. Вычитан мной когда-то давным-давно, не утративший актуальность, из раннего периода НЭПа. Когда советская власть в конце 1921 года приняла декрет о гарантиях защиты вкладов в государственных банках, один нэпман ответил на вопрос, понесет ли теперь буржуазия деньги в банк: конечно, не понесет, потому что вы приняли декрет о защите вкладов, а не о защите жизни вкладчика. Это, пожалуй, ключевой тезис для развития инвестиционного климата в любой стране. Спасибо.

Я. И. Кузьминов: А можно вопросы задать?

Володя, когда ты говорил о рецептах того, что надо и не надо поддерживать, насколько я понял, у тебя был тезис, что если у нас есть товар чуть похуже, чуть подороже, то его поддерживать не надо и не надо вообще поддерживать расширение производства на внутренний рынок. Если у нас был товар за полтора рубля, у отечественного производителя, и его не покупали, потому что был импортный за 1.20, а сейчас импорт стал 1.80. Поддерживать нам отечественного производителя или он так справится?

В. А. Мау: Я именно это и сказал, в нынешних соотношениях валютных курсов он получает мощный импульс конкурентоспособности.

Я. И. Кузьминов: То есть невидимая рука рынка справится во всех случаях. А если у него нет кредитных ресурсов расширить производство?

В. А. Мау: Если у него нет кредитных ресурсов, надо создавать условия, чтобы кредитные ресурсы были, чтобы инфляция была низкая, процентная ставка была соответствующая, чтобы кредитные ресурсы были доступны. Потому что как только мы скажем о прямой поддержке в такой ситуации, тут же поступит указание Герману Оскаровичу о том, что не по достаточной ставке дают ресурсы. Как только мы начинаем говорить об административной поддержке в непонятных критериях... Если у нас есть ресурсы поддерживать все, можно поддерживать что угодно. Мне кажется, что поддерживать важно тех, кто способен конкурировать на международном рынке, тем более что макроэкономика поддерживает это так, как ни одно государство никогда поддержать не сможет. А поддерживать надо не столько финансами, сколько инфраструктурой, доступностью, той же финансовой инфраструктурой.

Я. И. Кузьминов: А не кажется ли тебе, что конкурентоспособность на внешних рынках зависит, скажем, от масштаба производства на внутренний рынок? Например, если мы сейчас поддерживаем нашего производителя из моего примера, то он в силу расширения масштабов производства сможет продавать уже по 11.20 и станет конкурентоспособен на этом самом внешнем рынке?

В. А. Мау: Я верю в отечественного производителя тысячилетней непоколебимой верой. Я просто не понимаю, зачем ему повышать эффективность, если вы его и так будете поддерживать, при том, что валютный курс его поддерживает так, как ни один бюджет поддержать все равно не сможет.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Я. И. Кузьминов: То есть ты считаешь, что нетаргетированных мер поддержки достаточно на сегодняшний день, никакой активной промышленной политики в рамках импортозамещения проводить не надо? Просто я хочу акцентировать твою позицию.

В. А. Май: Я считаю, что следуя указанию Иисуса Христа, который говорил, что тем, у кого имеется – добавится, а кто не имеет – отнимется, надо поддерживать тех, кто способен быть эффективным и конкурентоспособным, а не тех, кто обещает стать эффективным и конкурентоспособным после мер государственной поддержки.

Я. И. Кузьминов: Чтобы продолжить цитирование, поскольку Владимир Александрович сегодня много цитировал, я приведу еще одну цитату из Булгакова. Помните, как там Коровьев ходил по Торгсину и приценивался? Он говорил так: «Хороший люблю, плохой – нет». Я, в принципе, со всем, что сказал Володя, в общем идеологически согласен. Но как быть, если у нас мало или совсем недостаточно проектов, чисто экспортно ориентированных? Мы их, безусловно, поддержим, но все-таки мне кажется, что политика поддержки, стимулирования импортозамещения должна носить более конкретный, менее принципиально абстрактный характер.

В этом отношении, может быть, на конкретных кейсах... Ты, Володя, можешь и согласиться с рядом мер по поддержке, скажем, расширения производства на отечественный рынок. Я согласен, что это не должны быть отдельные таргетированные предприятия, я думаю, что об этом спорить не надо.

А. Н. Шохин: Уважаемые коллеги, слава богу, у нас экономической политикой генералы еще не занимаются, но занимаются юристы, кстати сказать. Игорь Иванович Шувалов и Герман Оскарович Греф – дипломированные юристы. На мой взгляд, они ставят в последнее время вопрос ребром. Игорь Иванович несколько раз за последнее время говорил о том, что без повышения эффективности судебной системы ни о каком инвестиционном благоприятном климате речи быть не может, а Герман Оскарович уже несколько раз с высоких трибун в том числе говорил о необходимости радикального повышения эффективности государственного управления. Я в этой связи хотел бы известного экономиста, профессора Ясина, спросить. Евгений Григорьевич, вы как считаете: чисто экономические сейчас должны преобладать аспекты в экономической политике – дефляция, консолидация и так далее, либо все-таки наши коллеги с юридическим образованием правы, что без радикального изменения в правоохранительной системе, в системе имплементации и государственного управления мы ничего не сделаем? Все-таки соотношение экономики и права, экономики и политики, экономики и государственного управления – как это, на ваш взгляд, соотносится. Это приглашение к трибуне.

Е. Г. Ясин: Спасибо.

Дорогие друзья! Я, конечно, готовился к солидному большому докладу, сейчас сворачиваю его до 15 минут. Надо приучаться к тому, чтобы излагать свои мысли коротко, это важно, причем после этого страсти должны закипать еще сильнее, тем более что

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

вызов брошен со стороны Александра Николаевича. Я постараюсь ответить на него, как смогу.

Я прежде всего хочу сказать, что сейчас в определенном смысле довольно существенный момент в развитии РФ. Мы должны понять существенность, понимать, что те процессы, которые идут сегодня, то, как они будут поворачиваться – во многом это будет определять наше дальнейшее развитие. Поэтому серьезное размышление относительно того, что уже произошло, на какие позиции мы вышли и что должно происходить дальше, исключительно важно.

Первое, что я хочу заметить: мы молодая страна. Это может показаться странностью после тысячелетней истории, но как страна, которая создала новый общественный строй, стала рыночной экономикой – это довольно существенный поворот. Он произошел недавно, всего 25 лет назад. Естественно, поэтому определенные волны, определенное движение. Мы определяемся в этом качестве. С этой точки зрения я бы хотел обратить внимание на ключевые позиции.

Первая ключевая позиция – это модернизация, в которой главное – повышение производительности, эффективности. Почему именно так? Дело в том, что мы в течение длительного времени отставали, соревнуясь со странами капиталистического развития. Теперь мы получили новые институты в некоторой части. Я не считаю, что институциональные изменения закончены, но тем не менее определенный сдвиг есть, и здесь существенно обратить внимание на рост эффективности производительности, потому что для нас ключевой вопрос состоит не в том, чтобы наращивать количество, а именно в том, чтобы повышать производительность и добиваться эффективности. Это то, где мы можем снять главные сливки. Принципиальная позиция в данном случае в значительной степени определяется и тем, что у нас идет одновременно демографический кризис, население, пускай волнами, но сокращается, численность рабочей силы сокращается. Если мы не будем наращивать производительность, причем довольно существенными темпами, то мы не выйдем на то простое обстоятельство, чтобы росли темпы экономического роста и чтобы мы видели подъем страны, ее расцвет в изменившихся условиях.

Мне представляется чрезвычайно важным, потому что у меня такое впечатление, что вообще в какой-то период, скажем, понятие модернизации вообще ушло на второй план. Иногда его поминали наши лидеры, но тем не менее не на первом месте, не отмечая его важное явление.

Дальше я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство – об этом писал и говорил Владимир Александрович Мау, в этом смысле я чувствую его плечо. Это то обстоятельство, что два важных пути, которые намечаются на пути модернизации. Во-первых, это путь модернизации сверху. Когда я называю модернизацией сверху, я говорю о том, что основные решения принимаются по этому поводу наверху по отношению к тем решениям, которые порождает рынок, где возникают какие-то стихийные процессы,

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

рыночные. Они иногда вызывают настороженность, сопротивление. Здесь могут быть ограничения.

А второй вариант заключается в том, чтобы делать опору именно на рыночный механизм и на те процессы, которые формируют рынок, это путь либерализации. Он связан с определенными рисками, может быть, в ряде случаев более высокими, чем при модернизации сверху, которая надежно контролируется государством, но серьезные успехи и выход на уровень, который я бы назвал высшей лигой, то есть присутствием России в числе развитых стран, которые находятся на близком расстоянии от технологической границы. На мой взгляд, это очень существенно.

На этом пути мы прошли, я бы сказал, два основных этапа. Первый – этап рыночных реформ и трансформации, это девяностые годы. Затем было благое время, когда цены на нефть перестали падать и стали расти. Мы в период с 2000 по 2008 год были в состоянии подъема, восстановительного роста. Я бы сказал, в значительной степени имели стимулы, которые подходили сами собой в связи с конъюнктурой мирового рынка.

Это были благоприятные обстоятельства. Наконец, в 2008 году, с моей точки зрения, наступил третий этап, я бы сказал, этап в каком-то смысле основной. Это выход на основную линию, траекторию развития страны и подъема, он только начинается. По моим представлениям, он, может быть, будет существенно более продолжительный, чем то, что нам приходилось проходить на предшествующих этапах. На мой взгляд, это тем самым должно заставлять нас серьезно размышлять относительно того, с какими проблемами мы сегодня сталкиваемся.

Здесь надо понять, что сама по себе начальная фаза этого этапа была связана, во-первых, с кризисом 2008-2009 годов, затем с определенным подъемом. Самое неприятное то, что где-то со второй половины 2012 года, несмотря на отсутствие каких-то прямых воздействий, начался процесс снижения темпов экономического роста. 2012 год – 3,4%, 2013 год – 1,3%, 2014 год – еще меньше. Можно сказать, что 2014 год был в каком-то смысле критическим периодом в развитии страны. Была целая группа событий, которые оказывали существенное воздействие на развитие страны. До сих пор мы не очень хорошо знаем и понимаем, как она будет развиваться дальше.

Конечно, это мое мнение. Тут присутствуют коллеги, которые, наверно, лучше видят эти обстоятельства, но у меня лично есть серьезные сомнения, потому что, на мой взгляд, тот процесс, в который мы вступаем, учитывая то, что этот процесс идет наряду с процессами мирового экономического кризиса, который затрагивает множество стран, мы находимся в таком положении, когда нам надо особенно тщательно выбирать решения, которые нам предстоит реализовать и продвигаться вперед.

Я имею в виду, во-первых, события 2014 года на Украине, Крым, Донбасс. Затем наступили следующие события – падение цен на нефть, по-моему, не очень связанное с предыдущими событиями, затем валютный кризис, который развязался к концу года и вызвал очень большое напряжение. Надо сказать, я отдаю должное политике ЦБ (я прошу

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

прощения, может, кто-то придерживается другого мнения), мне показалось, что как раз ЦБ принимал очень важные решения, которые в основном с рыночной точки зрения были правильными. Они позволили, по крайней мере, остановить процесс падения рубля и в некотором смысле вернуться к равновесию, хотя, конечно, не к такому хорошему равновесию, которое мы имели в исходной позиции. Сейчас, мне кажется, нам предстоят следующие важные процессы, от которых мы не можем отвернуться, потому что с моей точки зрения, во-первых, валютный кризис и вообще обстановка в стране такова, что она будет вслед за валютным кризисом в течение какого-то периода будет связана с кризисом в реальной экономике. Какие формы он приобретет, я затрудняюсь сказать, но ожидания именно таковы, потому что многие явления, порожденные валютным кризисом, явно нас будут толкать в этом направлении.

Наконец, третий период – я не знаю, когда он наступит. Честно говоря, у меня такое подозрения, что это может быть через четыре года. Это инвестиционный кризис. На самом деле, инвестиционный кризис начался, но суть его рассасывания, нащупывания, выхода требует большего времени, чем нам кажется. И это принципиальный вопрос.

Дело в том, что серьезный подъем новой экономики без преодоления инвестиционного кризиса, без солидного притока инвестиций, как отечественных, так и иностранных, невозможен, так мне кажется. Это существенный момент. Для того, чтобы поднять темпы экономического роста, нужно осуществить серьезные институциональные изменения, и это вопрос, который для нас будет представлять особую трудность.

Я обращаюсь к тем словам, с которыми ко мне обратился Александр Николаевич Шохин, спасибо ему. Он обратил внимание на то обстоятельство, что мы должны подумать об этом движении, в том числе и по инвестиционным вопросам, как нам здесь поступать.

Я напоминаю, что в речах наших лидеров, по-моему, Игорь Иванович тоже на эту тему высказывался, были слова относительно того, что мы сейчас сделали план антикризисных мероприятий, нам предстоит делать план структурных реформ. Может быть, я ошибаюсь, я прошу прощения, но на мой взгляд, это очень важный момент, потому что будем ли мы готовы осуществлять такие реформы или мы постараемся без них обойтись, оставаясь в пределах того курса, который осуществляется? Этот курс в каком-то смысле уже стал, на мой взгляд, инерционным, тогда непонятно, как мы будем выходить из положения. Но эти структурные реформы – во-первых, надо понимать, какие! Это будет какой-то поворот от мобилизационного курса, которого мы держимся сейчас, к либерализационной модели, или нет? Потому что сейчас с этим связаны те шаги, которые нам предстоит делать дальше.

Я должен сказать, что я лично глубоко убежден, что поворот в сторону либерализации экономики, развития свободы предпринимательства, конкуренции экономической и политической, в особенности решения правовых проблем, обеспечения превосходства права над решениями любых начальников – это для нас принципиальный вопрос. Это

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

вопрос, который определяет, на мой взгляд, будущее нашей страны. Я так понял, Александр Николаевич хотел бы, чтобы я в каком-то смысле подтолкнул эту дискуссию.

На мой взгляд, это те вопросы, которые нам предстоит серьезно обсуждать на нашей конференции. Я надеюсь вслед за этим увидеть развитие этих реформ и в правительстве, в наших руководящих органах с тем, чтобы началось какое-то движение в этом направлении. На мой взгляд, ничего более важного нет. С моей точки зрения, мы можем проанализировать несколько разных сценариев, я уже называл некоторые из них: сценарий инновационный не обеспечивает даже то, что мы получали в период динамичного роста нефтяных цен!

Он не обеспечивает вообще никакого роста. Это модернизация сверху, она закончена. Если вы хотите какой-то другой вариант, вы можете выбирать. У нас появился на выбор мобилизационный сценарий. Но мобилизационный сценарий предполагает применение определенных, особых, достаточно жестких мер, которые оказывают воздействие на состояние общества с целью вызвать экономический рост, но одновременно усиливают тот кризис доверия, которым мы страдаем в настоящее время. Я имею в виду прежде всего доверие бизнеса к государству, во-вторых, это доверие общества к государству и бизнесу. Эта обстановка, по-моему, является одним из факторов, которые оказывают определенное сдерживающее влияние на наше развитие, которое необходимо преодолеть.

Конечно, продолжают существовать предложения, которые рассчитывают на какой-то решительный рывок в области либерализации экономики. Эти мотивы были довольно сильны в первой половине 2012 года, но сейчас мы можем их вычеркнуть, потому что общество – мы сейчас это видим достаточно ясно – не готово к тому, чтобы переживать те трудности, которые связаны с этим движением. Я считаю своим долгом упомянуть этот сценарий, потому что я в свое время его обсуждал, тогда, когда он был более актуальным. Но сегодня, так же, как и раньше, я считаю, что мы должны наметить путь постепенного спокойного развития, который основан на постоянном взаимодействии властной элиты, власти и общества, основываясь и на столкновении интересов, иногда и на ходах, сдерживающих противовесы, и в то же время в конце концов сотрудничество, которое будет обеспечивать развитие общества, пускай замедленное, но в тех позитивных направлениях, о которых я говорил.

Я бы хотел честно сказать: мне много лет, уже за 80. Я хотел бы дожить до того, чтобы убедиться, что мы встали на этот курс. Спасибо большое.

А. Н. Шохин: Спасибо, Евгений Григорьевич. Вы показали, что инерционный сценарий уже показал свою неэффективность, поскольку, начиная с 2012 года, мы видим снижение темпов инвестиций в основной капитал. Стало быть, выбор между мобилизационным и либерализационным, причем вы предложили микс, постепенные реформы. При этом апеллируете к тому, что надо, чтобы элита, власть взаимодействовали и с гражданским обществом, и с бизнес-сообществом. Как эта смешанная модель будет реализовываться?

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Это должен быть некий сценарий постепенных реформ либо это будет результат взаимодействия разных групп элит, часть из которых сторонники мобилизационного сценария, часть – либерализационного, и на выходе мы получим некую комбинацию? Как ваша модель с этой точки зрения должна выглядеть?

Е. Г. Ясин: У меня, на самом деле, нет такой модели, чтобы я сегодня вам рассказал и сказал: «Если вы будете шаг за шагом делать то, что у меня в голове уже сформировалось, то все получится хорошо». Нет, я этого не знаю. Я еще раз повторяю, что наша нынешняя эпоха характеризуется очень высокой степенью неопределенности, поэтому нужно проявлять осторожность, не говорить, что вы знаете заранее, потому что все равно те решения, которые будут подходящими, будут вырабатываться в процессе функционирования экономики и развития общества. Я считаю, что просто нужно внимательно следить за теми процессами, которые имеют место.

Но то, что у вас должны быть определенные критерии выбора, которых вы должны придерживаться – у меня на этот счет есть вполне четкое ощущение. Я за то, чтобы мы поворачивали к либерализации, к тому, чтобы мы решали те ключевые проблемы, о которых я сказал: верховенство права, конкуренция, свобода предпринимательства. Если мы будем достигать успехов на этих направлениях, то мы сможем добиться успеха.

Я другого варианта не вижу. У меня такое подозрение, может быть, я ошибаюсь, Владимир Александрович Мау – человек гораздо более осторожный, чем я. Понятно, он моложе, ему еще жить. Но мне кажется, что у нас есть определенное согласие.

Я. И. Кузьминов: Владимир Александрович потому осторожнее, что он помоложе все-таки. Ему есть чего еще бояться, наверно. Может, я ошибаюсь, Владимир Александрович?

В. А. Мау: Поживем – увидим.

Я. И. Кузьминов: Уважаемые коллеги, я сейчас задам вопрос Игорю Ивановичу Шувалову при том понимании, что он будет выступать чуть позже, послушав еще ряд выступлений. Вопрос будет такой. Игорь Иванович, в основных направлениях деятельности правительства, которые будут в ближайшее время, видимо, одобрены правительством, к концу апреля мы увидим этот документ, я надеюсь, будет ли план структурных реформ, который предполагается инкорпорировать в этот документ, отражать идеи Ясина? Постепенный курс на либерализацию. Можно не сейчас отвечать, а в конце. Если хотите вступить в дискуссию, было бы хорошо.

И. И. Шувалов: Будет.

Я. И. Кузьминов: Будет. Но это чересчур коротко! Хорошо, тогда, когда будете комментировать выступления наших спикеров, я попросил бы чуть более развернуто на этот вопрос ответить.

А сейчас я хотел бы предоставить слово Герману Оскаровичу Грефу, президенту и председателю управления Сбербанка России. Пожалуйста, Герман Оскарович.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Г. О. Греф: Доброе утро, уважаемые коллеги! Мне очень приятно быть на традиционной конференции ВШЭ. Александр Николаевич спросил, буду ли я говорить про повышение эффективности государственной власти, я сказал, что нет, потому что я уже рискую нарваться. Карфаген должен быть разрушен, поэтому я повторяю, что это, на мой взгляд, важнейший тезис, но, наверно, неделю назад в другой аудитории я говорил на эту тему, поэтому сегодня я решил, что пришло время сменить пластинку. На самом деле я считаю это важнейшим принципом.

Не так давно читал книгу, которая называется «Why does the nation fail?», «Почему одни нации проигрывают, а другие становятся победителями?». Там очень интересное исследование про инклюзивные институты, экстрактивные институты, как это все разрушает государство, как это дает конкурентные преимущества. Но вся книга фактически только про одно: страны отличаются только эффективностью госуправления, потому что если управление эффективно, тогда создаются инклюзивные институты. Если оно неэффективно, качество управленцев низкое, тогда институты экстрактивные. Это все прелюдия к главному тезису.

Учитывая то, что мы находимся во ВШЭ, я бы хотел сказать несколько о другой теме. Первое: для того, чтобы эффективно управлять чем-либо, неважно, компанией ли, государством ли или, в конце концов, самим собой, нужно как минимум одно условие. Нужны знания. К знаниям нужна еще маленькая штука под названием умения или навыки. Если знаний нет и навыков нет, то тогда эффективно управлять ничем невозможно.

Вообще, наверно, ничего добиться невозможно.

Этой же темой задался один из очень интересных исследователей, Ллойд Демос, который открыл новую науку, которую назвал психоисторией. Он сказал, что очень много наук, которые исследуют различные факторы в человеческом обществе, но ни одна из них по сей день не занималась причинами скорости генезиса человеческого общества. Посвятив свое исследование этой теме, он пришел к выводу, что скорость генезиса человеческого общества зависит только от одного фактора – способа передачи знаний от одного поколения к другому. По этому принципу он разделил всю человеческую историю на шесть периодов. Последний период времени, где-то с середины прошлого века, он назвал наиболее быстрым в развитии периодом человеческого общества только за счет того, что изменилась модель между старшим, обучающим поколением и младшим поколением, учениками. Он сказал, что эта модель перешла от диктаторской модели к наставнической, от модели «делай, как я говорю» - к модели «делай как я». А еще точнее, к попытке раскрыть самооценку ребенка, молодого человека и помочь ему раскрыть свои таланты. Общества, которые создали наиболее благоприятную среду, наибольшие возможности для раскрытия потенциала личности ребенка, затем молодого человека, затем предпринимателя, побеждают. Их развитие наиболее ускоренное.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Я хотел бы показать вам двенадцать слайдов на эту тему в отношении эффективности инвестиций в человеческий капитал и новых вызовов для России. На первом слайде показано, как будет меняться структура рабочей силы. Ссылка на источник Еврокомиссии, первый период, 2008-2013, подтверждает правильность этого вывода. Верхний график – низкоквалифицированный труд, он будет драматически снижаться. Если в 2008 году 26% всех рабочих мест – рабочие места с низкой квалификацией, то с 2025 году их останется всего 17%. Произойдет сжатие на 8 процентных пунктов. Это очень большое сжатие за такой короткий период времени.

Такая же участь будет преследовать, правда, в меньшей пропорции, рабочие места средней квалификации. Мы увидим сжатие с 47% до 44%. И резкое расширение количества рабочих мест с высокой квалификацией. Они расширятся с 27% до 39%, на 12 процентных пунктов. Это означает, что происходит драматическое изменение структуры занятости, рабочей силы и востребованности рабочей силы на рынке. Если говорить о развитых странах, то в наиболее развитых странах эта динамика еще более высокая. В Европе, допустим, количество низкоквалифицированных рабочих мест сокращается на 12% каждые пять лет.

Если посмотреть на правую нижнюю табличку, то мы видим, что пока еще человеческий капитал по общим оценкам является чуть ли не единственным конкурентным преимуществом России, потому что если вы посмотрите на графу «Сравнение России и Европы», то все остальные клеточки являются красными, кроме одной зеленой. Мы стоим в позиции выше, чем Европа, по оценке независимых экспертов, по качеству человеческого капитала. В условиях негативного демографического тренда и дестимулирования инвестиционного климата – привлекательность инвестиционного климата в стране, к сожалению, в последние годы не растет, по ряду оценок она падает – мы видим, что, конечно, для нас сохранение преимуществ в качестве человеческого капитала является критически важным, как, собственно говоря, и во всех остальных наших успехах.

Если не будет качества человеческого капитала, то, собственно говоря, забыть про все остальные вместе взятые наши конкурентные преимущества – в качестве государственного управления, инновационной активности, предпринимательской конкуренции или глобальной конкурентоспособности страны, потому что конкурентоспособность страны зависит от конкурентоспособности людей, ее населяющих.

Здесь мы показали слайд из исследования, которое сделали наши ребята. Володю Яблонского здесь видел с командой, которые сделали это исследование: «Профессии будущего и устаревающие профессии». До 2020 года целый ряд профессий просто исчезнет с рынка.

Очевидна декларация о том, что нам необходим переход к новой модели образования. Текущая модель образования морально устарела. За 2000-2013 годы госрасходы на образование в России выросли в 13,5 раз. Объем платных услуг в сфере образования

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

увеличился в 11 раз, но образованием в России недовольны все: и ученики, и преподаватели, и работодатели. Только 38% учащихся довольны образованием, 40% работодателей считают квалификацию сотрудников достаточной, а 60% считают критически недостаточной. Большинство преподавателей жалуются не столько на уровень зарплат, сколько на зарегулированность, бюрократию, которая сложилась в сфере образования, невозможность реализовать свой творческий потенциал. При этом ценность образования как не ставилась обществом под сомнение, так и не ставится. Более того, ценность образования в глазах практически всех категорий людей за этот период времени существенно выросла.

Мы видим, что те тренды, которые сегодня сложились: новые цифровые технологии, интернет, огромное количество технологических стартапов в области образования... Я недавно был в Силиконовой Долине, они сказали, что среди трех наиболее привлекательных сфер для инвестиций в стартапы вторая – финансы, а первая – образование. Громадное количество стартапов, которые сегодня делаются различными небольшими компаниями. Действительно, наверно, тысячи компаний, которые занимаются поиском новых форм донесения, освоения знаний и выработки навыков.

Новые тренды в организации высшего образования – сокращение традиционных источников финансирования, рост требований к скорости отдачи на инвестиции, внешняя оценка результатов обучения и быстрая глобализация образования. Соответственно, нам нужен переход к новой парадигме образования, которая основывается на принципиально новых моделях образования 21 века.

Ситуация в России. Очевидно, что если мы возьмем весь цикл человеческой жизни, то мы говорим о том, что это образование должно быть абсолютно непрерывным, от раннего детского образования – и мы видим, что у нас есть большие проблемы в сфере дошкольного образования. 80% всех знаний человека формируются в возрасте до семи лет, этому сегменту у нас должного внимания, концентрации не уделяется. Ни в части научных исследований... Я опять-таки, когда был в Калифорнии, был в университете Беркли, в котором сформирован огромный центр Early Learning Center, который занимается исследованиями детей в возрасте до семи лет. Как можно в игровой форме донести как можно больше знаний до ребенка, выработать у него навыки, самое главное, сложить представление о его наклонностях и о том, как именно в процессе школьного образования раскрыть его внутренние предпосылки к успешности в течение всей его жизни, как его социализировать.

У нас за двадцать лет число детских учреждений сократилось в два раза, конкурс в них вырос.

К сожалению, мы очень много говорим о количестве детских садов, но не говорим об их качестве. Детские сады у нас являются камерами хранения, куда родители сдают своих детей на хранение на период пребывания на работе. Фактически задача ни качественных

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

исследований, ни качественного образовательного цикла в детском саду у нас не ставится.

Школа и университет – к сожалению, мы об этом поговорим еще, послеобразовательная компетентность остается на низком уровне. В частности, мы взяли среднюю статистику по финансовому сектору. Если в России примерно 37% сотрудников банковского сектора проходит обучение с какой-то регулярностью, то в среднем в США и в Европе эта цифра равняется 91%.

Мы совсем мало говорим об адаптации и развитии пожилых людей. У нас самый низкий пенсионный возраст, 55 лет. Сегодня со способностями современного человека ухаживать за собой, поддерживать состояние своего здоровья женщину в 55 лет назвать пенсионеркой язык мало у кого повернется. Но тем не менее ситуация такова, что в 55 лет женщина вынуждена очень часто оставлять рабочее место и выходить на пенсию. Мы понимаем, что в условиях демографического кризиса, конечно, нужно создать возможности для более продолжительной занятости даже в условиях низкого пенсионного возраста и среди мужчин, и среди женщин. В развитых странах сегодня набирает тренд обучения пожилых людей. Опять-таки, у меня не поворачивается язык человека в 60 или 55 лет назвать пожилым, но очевидно, стоит задача развития и адаптации людей при достижении ими пенсионного возраста, потому что очевидно, что они могут еще очень много пользы принести на благо общества.

Конечно, и еще две вещи, на которые мы тоже, к сожалению, не обращаем внимание в должной степени: семейное образование – у нас учат людей чему угодно, у нас не учат людей быть родителями. Это очень большая проблема. Конечно, семейное образование, быть родителями, мужем и женой, воспитателями для своего ребенка – очень серьезный пробел, который нужно в нашей системе дополнительного образования закрывать. И образование, очевидно, должно находить тренд в сторону развития качеств личности и саморазвития.

Итак, я уже сказал о том, что у нас ключевым с точки зрения фокуса и возможности влияния на человеческую личность должны быть детские сады, потому что в этот период формируется 80% знаний, получаемых человеком в течение всего жизненного цикла. Мы видим, что госрасходы на образование у нас выросли, на дошкольное образование в 18 раз, на школьное – в 12 раз. Но проблемы формализма, передачи знаний несовременным образом, устаревших знаний, оторванности программы от клиента, от интересов учеников и родителей сохраняются в полной мере.

Мы видим, что лучшие практики – это такие страны, как Англия, страны, которые входят в десятку лучших стран дошкольного и школьного образования. Финляндия, которая занимает регулярно первые места в пятерка среди стран, отличающихся по образованию в средней школе. Такие виды образования, как образование в облаке, которое практикуется очень широко сегодня в Индии. Такие ресурсы, как «How Academy»,

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

несмотря на то, что большое количество этого ресурса переведено на русский, мы видим, что массового внедрения и пропаганды этих ресурсов у нас пока нет.

Мы видим, что в России есть хорошие школы. Одаренные дети в хороших школах могут получить достаточно качественное образование, но это примерно 2-3% от всего контингента учеников. Конечно, перед нами стоит задача не только поиска одаренных детей и обучения их в лучших школах, но и развития общего среднего образования.

Понятно, что мы сможем полноценно говорить о конкуренции только тогда, когда мы включим в эту систему конкуренции не 5% лучших школ и учеников, а 95% оставшихся школ для того, чтобы дать максимальному количеству детей достойное образование, которое позволило бы им иметь шанс обучаться в лучших университетах, получить лучшие специальности.

Если говорить о финансировании среднего образования, то мы видим, что сегодня в России это 2,1% ВВП, в Великобритании 4,4%, в США 3,4%. Такой разрыв в отношении к ВВП, конечно, не говорит напрямую о качестве, но говорит о том, что нужно повышать расходы на образование.

Конечно, к образованию относится ровно тот же тезис, которым закончил Владимир Александрович Мау: я не верю тем, кто говорит «сначала дайте мне денег, а потом я как-нибудь повышу свою конкурентоспособность». Нужно, конечно, сначала доказать, что ты способен повысить свою конкурентоспособность, а потом получать соответствующее финансирование, потому что очевидно, что если ты не конкурентоспособен, то полученное дополнительно финансирование ты спустишь в никуда.

Маккензи сделала большой обзор по системе среднего и дошкольного образования, вывод такой: систему можно радикально улучшить за шесть лет. Качеству процесса образования уделяется недостаточное внимание, оно значительно важнее структуры образовательной системы. Цели образовательной системы, которые провозглашены, и образовательная система, которая сегодня реально работает – две разные вещи. Система образования не соответствует провозглашенным целям. Для начала реформ необходима смена стратегических приоритетов, для успеха реформ необходима преемственность лидеров.

Два лучших примера, которые приводятся, это Сингапур, который практически с нуля построил одну из лучших образовательных систем в мире, и Финляндия, которая фактически за десять лет радикально перестроила свою систему образования. Сегодня она занимает второе место по качеству своей образовательной системы.

Высшее образование. Знаете, еще Гете сказал, что в академиях обучают слишком многим бесполезным вещам. Мы все время говорим о том, что мы обучаем не профессионалов, которые востребованы рынком, а универсальных специалистов, ученых, которые потом могут совершенно спокойно приспособить свои знания от космоса до канализации, в зависимости от того, что человеку в жизни пригодится. К сожалению, эта ситуация не

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

оправдана. Она показывает свою неэффективность. Это не касается только российской системы образования, к сожалению, это как глобальная образовательная проблема в высшем образовании, которая стоит перед всем миром. Непрактичность образования. Очень много знаний, избыточных знаний и отсутствие навыков.

Сегодня тот проект, который идет, проект «5-100», я хочу сказать, что он очень важен на самом деле для того, чтобы увидеть все проблемы образования, которые накопились. Я в составе комиссии, которая отбирает эти вузы и наблюдает за ними, хочу сказать, что это очень полезное упражнение и Минобрнауки, и для всех участвующих в нем вузов. И опять к вопросу о конкурентоспособности. Удивительные ответы, когда мы вопросы задаем ректорам вузов, которые сегодня находятся на 400-500 позиции в глобальном рейтинге образования: как они собираются за пять лет войти в первую сотню и почему раньше они не переместились хотя бы во вторую сотню? Ответ удивителен, они говорят: задачи не было. А тогда какая была задача? Вопрос остается открытым. Это опять к вопросу о конкурентоспособности лидеров, тех, кто собирается получать гранты и новое финансирование от государства.

Лучшие мировые практики. Университет третьего поколения – это ключевая идея, которая сегодня ходит в мире. Что такое университет третьего поколения? Это синтез трех целей: преподавание, то есть получение знаний, исследование, то есть занятие наукой, научная деятельность и третье – внедрение инноваций, или практика.

Практика – третья неотъемлемая часть современного университета, так называемого университета третьего поколения. Здесь мы написали, чем отличаются эти три типа университетов. В очень интересном исследовании «Университет третьего поколения» очень известный голландский исследователь Ханс Виссема очень четко описал различия этих трех типов университетов по роли в обществе, по тому, кого оно готовит, по ориентации, языку и тому, кем университеты третьего поколения управляются. Ключевая разница – сочетание тех трех составляющих, о которых я уже сказал: передача знаний, научные исследования и практическая направленность или инновационность. В университете третьего поколения его роль в обществе – уже не защита или открытие законов природы, а создание ценностей.

Когда мы были в МЭТИ, Игорь Иванович Шувалов помнит хорошо, мы задавали вопрос: что для вас является ключевым? Они говорят: создание рабочих мест и количество инновационных компаний, которые выходят из зоны IT, это наша ключевая цель, с нас за это спрашивают. Это было немножко диссонансом, несколько раз на разных форумах мы задавали этот вопрос, но это действительно создание ключевой общественной ценности, которую можно померить.

Кого готовят? Если раньше готовили профессионалов и ученых, то теперь профессионалов, ученых и предпринимателей. Это ключевая функция, миссия университетов. Ориентация. Если раньше ориентация была вселенской, потом она стала национальной, теперь это глобальная национализация. Если раньше преподавали на

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

латыни, затем на национальных языках, теперь все больше и больше даже в национальных университетах идет на глобальных языках, то есть на английском. И кто управляет? Если раньше управляли университета канцлеры, затем ученые по совместительству, то сейчас университетами управляют все больше и больше профессиональные менеджеры.

Послеуниверситетское, или профессиональное образование. Это то, что сейчас начинает получать развитие в нашей стране. Если взять компании Fortune 500, то, наверно, среди этих компаний тяжело будет найти хоть одну, которая не имеет своего постпрофессионального корпоративного университета или академии. Все понимают, что задача постоянного непрерывного совершенствования – ключевая задача любой корпорации сегодня. Ни одна корпорация не может быть конкурентоспособной продолжительный период времени, если она не занимается вкладыванием огромного количества сил, средств, новых знаний и инноваций в своих сотрудников.

Дистанционное образование как новая парадигма постоянного образования для профессионалов, которые закончили какое-то количество лет назад университеты и хотят сохраняться в стриме современных знаний. Для этого есть такие вещи, как Coursera, таких ресурсов сегодня как минимум десяток, Coursera, наверно, самый раскрученный. Сегодня свыше 300 млн студентов разных возрастов обучаются в онлайн-курсах в лучших университетах. Другая концепция, но все то же самое – How Academy.

У каждого поколения свой спрос на образовательные услуги. Если мы говорим о поколении бэби-бумеров как о поколении людей, которые хотят ощутить пальцами шуршание страниц, то поколение Y – дистанционные методики образования. Они хотят меньше времени тратить на образование, больше сохранять баланс между личной жизнью, развлечением и образованием. Если говорить о поколении Z, 2000 года и больше – это поколение, которое уже начинает задавать вопрос «Что такое печатная книга?». Они точно не вернутся к шуршанию страниц.

Поэтому нам нужно, конечно, учитывать это в качестве сдвига парадигмы способов обучения в дошкольных образовательных учреждениях и школах. Хотя должен сказать, что мы месяц назад были в детском саду Google.

Там запрещены все девайсы, там нет никаких гаджетов. Там детей учат исключительно с помощью традиционных методик, дети занимаются развитием своего головного мозга через тактильные, всевозможные задачи, большое количество всевозможных конструкторов, мелких деталек. Это было удивительно увидеть: одна из самых продвинутых корпораций в мире считает своим достижением то, что она лишила детей в дошкольном возрасте любых девайсов. Они считают, что это пагубно влияет на их умственное развитие.

Переход от индустриальной к постиндустриальной системе образования и изменении стратегии регуляторов. Чтобы сохранить постоянное конкурентное преимущество в системе образования, нужно заложить автоматические механизмы и настройки к новым

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

потребностям рынка. Для этого нужно связать систему образования с рынком. Сегодня между системой образования и рынком глобальная пропасть. Система образования у нас чувствует себя очень хорошо, она получает огромные доходы и ничего не хочет менять. Она не видит сегодня работодателя. Хороший вопрос: кто является клиентом системы образования, потому что она готовит неконкурентоспособных профессионалов за огромные деньги. В общем, эта система, к сожалению, сама по себе не перестроится. Это то, что невидимая рука рынка, к сожалению, сделать не сможет, если здесь видимая рука регуляторов в это не вмешается и не поменяет парадигму этого развития.

Второе – нужно, конечно, перейти к контролю результатов, а не образовательного процесса. У нас очень много фокуса, нормативов, регламентов, которые регулируют процесс, но не результат. Очень важно перейти в глобальную систему образования, привлекать как можно большее количество интернациональных студентов и преподавателей. Развивать экспорт услуг. Пока что мы импортируем огромное количество услуг, лучшие ученики уезжают в развитые страны, чтобы получить образование. Нужна отдельная система поддержки технологических стартапов в области образования. Я думаю, что для этого нужна специальная программа. Я пока не вижу, если финансовые стартапы мы вылавливаем, финансируем и покупаем, я не вижу такой системы в части образования. Нужна соответствующая среда и поддержка для того, чтобы стимулировать это. Я видел огромное количество стартапов наших ребят, которые уехали из России и делают образовательные стартапы в Силиконовой Долине. Я привез Алексею Васильевичу Гордееву видео одного из малых предпринимателей из Воронежа, который передал привет губернатору, который великолепный стартап реализует, к сожалению, не в Воронеже или Москве, а в Силиконовой Долине.

Конечно, нужен банк данных новых знаний, успешных практик и распространения новых моделей образования. У нас много инноваторов как в системе высшего образования, так и великолепных учителей и школ в России, которые нужно распространять как лучшие практики по всей стране.

Напоследок два высказывания великих лидеров, Кеннеди и Ли Куан Ю. Прогресс страны не может быть быстрее, чем прогресс нашей системы образования. Новая линия раздела между странами в мире будет проходить по линии владения знаниями. На этом я хотел бы завершить и поблагодарить за внимание.

Я. И. Кузьминов: Герман Оскарович, можно я задам вопрос? Сейчас нарастает разрыв между потребностями роста системы образования и уровнем ее финансирования, причем во всех странах. Все жалуются, что мало денег. Исследования есть в Великобритании, США, к каким плохим результатам приводит недофинансирование. То есть мы совершенно не одиноки в этом плане. Возникает вопрос: как вовлечь дополнительные ресурсы в образование? Кто должен инвестировать дополнительно в образование? Государство, семьи или фирмы? Применительно к России это как сейчас? Кто должен и кто может?

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Г. О. Греф: Если говорить, кто может, то не может никто, потому что понятны проблемы государства, ограничение домохозяйства, проблемы компаний. Но если говорить реально о том, где есть источники, на мой взгляд, в качестве источника домохозяйство мы рассматривать особо не можем, потому что образование в России и так достаточно дорогое. Вот здесь мы как раз на уровне глобальных практик.

Конечно, первый источник – государство. Второй источник – корпорации. Но я уже сказал, что между вузами и корпорациями лежит глобальная пропасть. Мы вам не интересны, Ярослав Иванович, к сожалению, потому что у вас все хорошо. Вам незачем к нам идти, потому что государство вам дает серьезные деньги, домохозяйство вас финансирует. В нас вы не видите источника. Когда вы к нам приходите, мы говорим: за что мы вам должны платить? Если вы хотите, чтобы мы за что-то платили, трансформируйтесь под наши интересы. Но как только речь идет о трансформации вузов, тут всякий интерес, даже к деньгам, прекращается.

Поэтому, на мой взгляд, второй и третий источник... Третий источник, можно считать, непочат, а второй источник может быть перестроен структурно, потому что грандиозное количество вузов, которые финансируются из бюджета, должно быть резко сокращено. Вузы, которые побеждают в конкуренции, должны получить значительно больший кусок того пирога, который сегодня предусмотрен в бюджете. Я уже говорил, что в процентах к ВВП эта цифра должна быть увеличена.

Я считаю, что большой источник – и связь с бизнесом, и в том числе решение проблемы эндаумента, потому что в Стенфорде я ничего не слышал про недостаток государственного финансирования, потому что там есть возможность собирать громадный эндаумент, который покрывает все их мечты на все возможные исследования и улучшение образовательного процесса.

Я. И. Кузьминов: Вообще есть основная проблема, на мой взгляд, Герман Оскарович, что у семей нет стимула инвестировать не просто деньги в образование. У них сегодня очень мало стимулов инвестировать даже усилия в образования. Мы имеем очень широкое формально предложение бесплатного образования, оно дестимулирует семьи инвестировать в образование и потом создает такую привычку, когда, и ты говорил об этом, у нас очень низкий уровень вовлечения людей в дополнительное образование, образование в течение всей жизни. Очень высокий уровень охвата формальным образованием и крайне низкий, обвальное низкий уровень охвата непрерывным образованием. Это просто люди не приучились инвестировать в обновление своих компетенций. Кстати, во многом потому, что есть низкая конкуренция на рынке труда, низкая безработица, отсутствие угрозы безработицы, отсутствие необходимости образования в корпоративной культуре. На мой взгляд, Сбербанк сейчас является единственной корпорацией в стране, которая поставила во главу угла своей корпоративной культуры необходимость образования и инвестиций в образование своих работников, но это скорее исключение.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Пока у нас нет стимулов инвестировать в себя, у корпораций - в качество человеческого капитала. Объяснения те же самые: низкая конкуренция, отсутствие давления на рынке, отсутствие конкуренции качества. Мы всегда будем вынуждены решать проблему ресурсного обеспечения образования, снова и снова обращаясь к налогоплательщику.

Г. О. Греф: Я согласен с первым тезисом, не очень согласен со вторым, потому что в России сегодня Сбербанк не единственная корпорация, я только знаю наших партнеров, которые с нами работают. Большое количество, которые занимаются сегодня большими инвестициями в образование. Это и РосАтом, и Ростелеком, и Аэрофлот, и ГазпромНефть. Можно очень много компаний перечислять. Все больше и больше компаний, которые понимают, что конкурентоспособность компании зависит от конкурентоспособности ее лидеров и от ее сотрудников.

Поэтому все больше людей начинают понимать, что такое Employee Engagement, то есть вовлеченность персонала, и что такое высокая квалификация и качественное высшее образование.

Что касается стимулов, я с вами, в общем, согласен, но все-таки социологические исследования говорят, что ценность образования признается семьями, это чуть ли не единственный эффективный способ преодоления социального неравенства сегодня. Но такой общественной парадигмы, что образование – не диплом в кармане, а наличие определенного уровня навыков, у нас, к сожалению, нет. Поэтому, наверно, люди не готовы пока платить за это.

Я думаю, это, конечно, в том числе один из элементов ясной государственной политики и пропаганды, направленной на развитие персонального лидерства или самоответственности, ответственности за самого себя. Что за успех в жизни отвечает не государство, а сам человек. Это, конечно, очень комплексная задача, которую нужно развивать. Но прошу прощения, эта задача нас всех, Ярослав Иванович, в том числе вас как вуз, нас как работодателя, и правительства. Конечно, это та тема, которая должна быть серьезно обсуждаема. Она дает очень быструю отдачу на инвестиции, которую ничто не мешает, никакие политические либо другие препятствия превратить в нормальный, реальный план действий. Мы очень много любим говорить, но мало любим действовать. Я призываю к тому, чтобы эти вещи начинать реализовывать.

В частности, если говорить о среднем образовании, мы в этом году вместе с компанией VSG и еще с несколькими партнерами начали очень интересную программу. Называется «Учитель для средней школы». Это международная программа, она уже реализуется в десятках государств. Мы ее в этом году реализуем в Московской области, мы отбираем лучшим выпускников других вузов, в частности, ВШЭ. Ваши выпускники изъявляют желание работать учителями в школе, но они не имеют права там работать, потому что у них нет соответствующего допуска. Программа по международным стандартам очень быстро, в течение трех-четырех недель лучших выпускников готовит, переподготавливает и дает им допуск для работы учителем. Они едут в самые худшие школы учителями и

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

работают там в течение нескольких лет. А компания, которая поддерживает эту программу, в данном случае Сбербанк, доплачивает им и следит за их развитием в этих худших школах. Мы смотрим вместе с администрацией Московской области. В апреле мы начали эту программу, к концу года у нас будут первые результаты, а в следующем году мы хотим предложить уже с Министерством образования распространить это на всю страны. Нам нужны будут, конечно, компании-партнеры, потому что одна, две или десять компаний это не осилит.

Это очень существенный способ преодоления отставания в плохих школах, и это совершенно конкретный вклад в развитие уровня образования во всей стране. В сельских школах, в школах в маленьких городках и в худших школах, потому что мы любим говорить про лучшие школы, про то, что нужно помогать лучшим, но не все дети могут в эти школы попасть. А вот создать систему, когда лучшие выпускники вузов могут попасть в эти худшие школы и поднять их уровень – это достойная задача для нас всех.

А. Н. Шохин: Я хотел бы обратить внимание, что Ярослав Кузьминов с большим интересом задает вопросы Герману Грефу, пытаюсь узнать, как выстраивать образовательную систему. Это свидетельствует о растущей роли работодательского сообщества в формировании задела на будущее. Я считаю, что это очень интересный поворот в нашей дискуссии. Представители университетской общественности рассказывали, как проводить экономическую политику, а бизнес рассказывает, как должно быть устроено образование в стране.

Я думаю, таким образом мы технологию взаимного опыления реализуем, все будет хорошо, как надеется профессор Ясин. Герман Оскарович, спасибо за очень интересный доклад. Я хотел бы продолжить тему инвестиций в человеческий капитал. Вы знаете, что недавно Всемирный банк обнародовал свой прогноз на 2015 и последующие годы.

Один из элементов этого прогноза, который нас опечалил – вовсе не темпы роста, которые в этом году ниже, чем у Минэкономразвития, а в следующем году Всемирный банк дает по-прежнему минус, хоть 0,3, но все-таки с минусом (хотя Минэкономразвития 2,3 с плюсом). Нас, безусловно, не может не беспокоить оценка уровня бедности в стране, которая, к сожалению, по прогнозам Всемирного банка растет.

Я в этой связи хотел бы попросить Анну Ревенга, директора группы по борьбе с бедностью и повышением эффективности развития Всемирного банка, во-первых, сказать, как они пришли к этим цифрам и все-таки какие виды на последующие годы? Как нам сократить уровень бедности? Спасибо.

А. Ревенга: Большое спасибо. Прежде всего хотелось бы поблагодарить нашего хозяина, который пригласил меня принять участие в данном заседании. Для меня большая честь выступить с коллегами такого уровня. Кроме того, я являюсь единственной женщиной в числе выступающих.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Я бы хотела сейчас сказать несколько слов о вопросе инклюзивности в ходе экономического роста в России. Я бы хотела выделить те достижения, которые были сделаны в последнее десятилетие, поговорить о некоторых проблемах, которые мы видим в перспективе. Каковы могут быть действия, которые помогут нам сохранить позитивное движение? Хотелось бы взглянуть на Россию в региональном и глобальном контексте. Что у России получилось лучше, чем у других, и где мы видим проблему на перспективу.

Мы будем говорить не только о бедности, но и об экономическом и социальном благосостоянии. В начале мне хотелось бы сказать несколько слов об общей ситуации. За последнее десятилетие в мире мы видим значительное увеличение уровня благосостояния людей. Это беспрецедентный рост, он наблюдается во всем мире. Мы видим очень серьезный процесс роста, который позволил многим людям выйти из состояния бедности. Многие люди выросли в своем экономическом благосостоянии и попали в категорию среднего класса.

Здесь вы видите график, который показывает данные по 72 странам, которые мы внимательно изучили. Мы обнаружили следующее: степень роста, конечно, везде различна, но очень важна модель, важен аспект инклюзивности. В 70% стран за последнее десятилетие наблюдался инклюзивный рост. Мы видим, что те люди, которые находились в числе 40% беднейших, продемонстрировали самый высокий темп роста. Это то, что мы называем совместным процветанием.

Посмотрите на этот график. Вы видите, что позиция России чрезвычайно хороша в этом плане. Здесь мы видим не только мощный рост, мы видим, что 40% нижнего слоя населения также очень значительно поднялись. Вы видите данные по странам группы БРИКС, пониже цифры в Бразилии и ЮАР. В Китае наблюдался высокий темп роста, но там не было такой инклюзивности, как в России, то есть беднейшие слои населения не так значительно поднялись.

Меньшее количество людей перешло в Китае в категорию среднего класса.

Географический регион, в котором находится Россия – Восточная Европа, Центральная Азия. По нашей классификации весь этот регион показывает достаточно хорошие результаты за последние пять лет. Здесь вы видите цифры по целому десятилетию. Модели сохранились. В данном регионе, равно как и в Латинской Америке, так же показатели очень хороши. Цифры лучше, чем в среднем мы видим.

Посмотрите на цифры по Западной Европе, там рост незначителен, степень инклюзивности также невелика, особенно после кризиса. В России по этому графику мы видим, что показатели весьма высоки. Похожие цифры и показатели мы видим и у других стран группы БРИКС.

Я недавно была в Бразилии, и у Бразилии и России есть много общего. Целое десятилетие активного роста, которому способствовали высокие цены на сырьевые ресурсы. Было

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

создано большое количество новых рабочих мест в области строительства и предоставления услуг. Тут есть положительный эффект, это модель, которая поднимает вопросы о том, что произойдет в менее благоприятной экономической ситуации, что делать для того, чтобы сохранить поступательное движение.

Один из моментов, который очень интересен в последнее десятилетие относительно совместного процветания и инклюзивного роста. Многие вышли из состояния бедности, уязвимости и перешли в категорию среднего класса. Вообще мы определяем категорию среднего класса по денежным показателям. Конечно, это относительные вещи, но тем не менее. Мы используем абсолютные цифры для того, чтобы проводить сравнения между странами. Может быть, это не лучший способ измерения для работы внутри страны, но если мы рассматриваем ситуацию в контексте всего мира, это эффективный метод. Мы используем такое международное определение, когда доход на душу населения равен или выше 10 долларов в день.

Мы наблюдаем следующее: размер среднего класса в России удвоился за период наблюдения и достиг 60% от всего населения, что означает, что Россия действительно стала обществом среднего класса. Мы наблюдаем, что процесс инклюзивного роста продолжался на протяжении длительного периода времени. График этого движения отличался от других стран группы БРИКС.

Интересна ситуация с бедностью. Мы опять-таки говорим о цифрах на уровне отдельной страны. Мы видим, что снизился уровень бедности, после определенного периода роста в этом отношении процесс несколько затормозился. Уровень бедности чуть-чуть приподнялся. Для того, чтобы этот процесс ограничить, должны быть приняты определенные меры.

Еще несколько слов о росте среднего класса. Это важный процесс, имеющий определенные последствия. Люди, которые относятся к среднему классу, не столь уязвимы, они имеют определенную устойчивость экономического рода, а также определенные ожидания относительно уровня услуг, которые предлагаются в стране, в которой они живут. Вы видите график по России, он показан красным цветом. Вы видите здесь также график по Латинской Америке и Бразилии.

Россия показывает значительно более высокие показатели, чем другие страны со средним уровнем дохода. Это серьезное достижение. Кроме того, это означает новый уровень требований в отношении государственных органов, правительства, как центрального, так и региональных властей. Необходим новый уровень предоставления государственных услуг. Я не хотела бы сейчас говорить о рисках, которые существуют.

Так или иначе, такой большой средний класс в России – большое достижение, как по размеру, так и по весу этого среднего класса в плане общего потребления и общего дохода. Цифры таковы, что средний класс составляет 60% населения, это те люди, которые представляют 75% всего дохода домохозяйств, 86% всего потребления. Это очень

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

мощная сила, этим людям нужны товары и услуги. Эти люди потребуют более высокого качества государственных услуг, которые они получают.

Если копнуть немножко глубже, что стоит за общими положительными графиками? Мы видим, что не все в стране однородно, особенно в географическом контексте. Россия – это очень диверсифицированная в географическом отношении страна. Очень важно видеть не только совокупные цифры, важно понимать, что происходит в различных регионах страны. У нас нет подобной раскладки по росту количества людей, относящихся к среднему классу. У нас есть только цифры по бедности, которые хорошо соотносятся с показателями дохода. Вы видите значительную степень диверсификации, вы видите, что разные регионы имеют совершенно различные экономические структуры, обладают различными ресурсами, они также имеют различный уровень предоставляемых услуг. Это очень показательно, это также выливается в различные уровни дохода. Все это является важным вопросом, о котором нельзя забывать. Это одна из значимых проблем для России. Важно не просто поддерживать общие положительные цифры, важно обеспечивать высокие показатели, которые предоставляют возможности для людей, проживающих в разных регионах страны.

Средний класс не является исключительно городским явлением. Существуют люди, которые живут в сельской местности и тоже относятся к среднему классу. Их, конечно, меньше, и для этих людей меньше экономических моделей развития.

Что еще я хотела бы осветить? Несмотря на успешный рост среднего класса и уменьшение количества бедных людей за последнее десятилетие перед кризисом, существует значительное количество людей, которые относятся к группе уязвимых. Они не относятся к бедным, но тем не менее у них имеется довольно высокая вероятность того, что они могут скатиться до уровня бедности в шоковых условиях, в случае общего экономического замедления. То есть мы говорим о том, что уровень бедности может несколько подняться. Мы не боимся, что те, кто попал в средний класс, станут бедными. Те, кто еще не дошел до уровня среднего класса, могут откатиться до уровня бедности.

Тут мы проводим сравнение между различными странами и регионами. Бедные – те, кто живет меньше, чем на 5 долларов в день. Уязвимые – те, кто живет на сумму от 5 до 10 долларов в день. Именно уязвимая группа населения может откатиться к бедности.

Они вообще похожи во многих отношениях. У этих людей ниже уровень занятости, они меньше привязаны к рынку занятости, занимают менее качественные должности. Их условия жизни могут значительно ухудшиться в условиях ослабления экономики, более жестких внешних условий.

Для этих групп населения очень важно сохранить определенные социальные инструменты, которые бы позволили им не откатиться к бедности. Интересно понять, каковы причины возникновения и роста, удвоения среднего класса. Мы также пытаемся понять, что приводит к снижению бедности. Когда мы говорим о бедности, то три четверти снижения бедности связано с экономическим ростом. Экономический рост

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

поднимает население на более высокий уровень. Когда мы говорим о среднем классе, мы замечаем следующее: более высокий доход, более высокая зарплата. Это 50% всего процесса подъема среднего класса, но есть и другие показатели, например, пенсии, различные переводы значительно поддерживают средний класс.

Если все разбить на два элемента, то мы видим различные модели: во время первой части десятилетия росла экономическая мобильность, зарплаты как в частном секторе, так и в госсекторе. Во второй половине десятилетия зарплаты по-прежнему играют значительную роль, но уже не столь большую. Значение уровня зарплат несколько снижается, большую роль начинают играть пенсии. Это нас несколько тревожит, потому что насколько велика способность поддерживать этот уровень пенсий, мы не знаем. Подобные вещи мы наблюдали и в Бразилии, и в ряде других стран группы БРИКС. В долгосрочной перспективе все это должно быть не главной действующей силой экономической мобильности, а лишь поддерживающими составляющими.

Каким образом данные процессы развиваются во времени? Особенно в условиях менее благоприятной экономики. Мы уже слышали сегодня упоминание о снижении темпов роста, цен на нефть. Эти явления не одномоментны, эти условия сохранятся на протяжении определенного времени. Меняется возрастной состав населения, и в России здесь картина сильно отличается от других стран БРИКС. Вы видите это на графике по работоспособному населению в России, Бразилии, Китае, Индии.

Возникает вопрос: как обеспечить преемственность успеха в более сложной экономической среде? Необходим хороший баланс различных инструментов, и это главное, о чем я хотела сказать сегодня. Каковы основные требования к новому балансу, который может помочь сохранить инклюзивную модель роста? Необходимо обеспечить рост и сделать так, чтобы этот рост касался всех, чтобы он был инклюзивным. Это огромное достижение, когда десять лет наблюдается рост, который особенно касается бедных, чем население в среднем. Именно это и есть инклюзивное общество.

Два критически важных аспекта хочется упомянуть. Первое – новый баланс в том, кто будет ведущей, движущей силой в создании новых рабочих мест и в экономической деятельности. Здесь баланс должен сместиться к частному сектору, он должен быть локомотивом. Для этого потребуются определенные улучшения в области создания конкурентной среды, в области возможностей для инноваций в частном секторе, повышения навыков рабочей силы. Очень важно также в контексте того, что частный сектор становится локомотивом прогресса, движения вперед, создание новых рабочих мест.

Еще очень важно достичь баланса в качестве предоставления услуг. Эти услуги должны быть одинакового или, во всяком случае, более близкого уровня во всех регионах страны, а то получится, что в одних регионах качество предоставления услуг, например, образования – одно, а в других – совсем другое. Необходимо достичь нового баланса в

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

области ответственности, отчетности. Необходима более высокая степень ответственности региональных властей. Это, пожалуй, два основных направления.

Кроме того, конечно, необходимо внимательно следить за положением уязвимых групп населения, обеспечить социальную защиту, социальное обеспечение, программы, которые могут удержать на плаву тех, кто не дошел до уровня среднего класса.

Я не хотела бы выходить за рамки регламента, но несколько слов конкретно об этих моделях создания баланса. Некоторые из них не будут для вас чем-то новым или удивительным. Тут мы говорим о том, что в России мы видим нечто, в общем-то, близкое к тому, что мы видим в развитых экономиках стран БРИКС, во многих государствах, членах ОЭСР. Один интересный момент, к которому мы пришли в результатах исследования, проведенного моими коллегами. Мы пытаемся анализировать рост производительности и создания рабочих мест. В создании рабочих мест главную роль играет частный сектор. Именно частные компании создают большую часть рабочих мест. Когда мы смотрим на компании в России, используем макроэкономические данные. Тут следует упомянуть несколько вещей. Во-первых, на рынке существует большое количество крупных, старых компаний. Мы не видим очень высокой динамики в этой сфере. Это не самые инновационные и не самые высокоприбыльные компании.

Молодые компании зачастую живут недолго. Они появляются, потом многие из них уходят, и это нормально. Ненормально то, что некоторые компании из тех, которые возникают и работают эффективно, все равно не выживают. Есть ощущение, что система не очень позволяет развиваться и расти новым инновационным компаниям. Некоторые компании, которые не очень прибыльны и эффективны, могут быть, нуждаются в какой-то поддержке. Финансовые, человеческие ресурсы, может быть, здесь не всегда адекватны. Это важный момент, поскольку мы в России заметили, что у вас гораздо меньший сегмент компаний, которые мы относим к категории газелей. Это молодые частные фирмы, которые зачастую создают максимальное количество новых рабочих мест, например, в Восточной Европе. Посмотрите на Чехию. Именно такие фирмы создают большее количество новых рабочих мест. Они работают с высокой степенью эффективности, и вот этого в России мы видим гораздо меньше. Мы не видим большого количества таких газелей.

Видимо, для этого есть определенные причины. Это связано с наличием и доступом к рабочей силе, к общему уровню предпринимательства, но тут опять же мы видим нечто похожее в Бразилии. В Бразилии, например, существует проблема того, что компании не вырастают до достаточно большого размера, не возникает большого количества новых инновационных компаний. Возникают вопросы по структуре: как изменить эту структуру?

Что еще можно сказать, где мы видим недостаточный динамизм в эффективности компаний на микроуровне?

Можно опять же рассматривать различия между регионами страны. Почему российская экономика не имеет более высокого уровня инновационности и динамики? Мы имеем

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

цифры по экономическому росту и количеству рабочих мест в разных регионах. Удивляет то, что рост количества рабочих мест не всегда плотно коррелирует с ростом производительности. Интересные показатели наблюдаются по различным регионам России. Тут есть такие показатели, например, как то, насколько быстро можно получить лицензию для начала работы компании, насколько много времени требуется для подключения новой компании к электричеству и так далее.

Существуют возможности для улучшения бизнес-климата, серьезные региональные различия, но это не единственный фактор, который объясняет то, почему мы не видим более высокого уровня инновационного развития. Вот первый аспект.

Следующий момент – то, что относится к человеческим ресурсам. Это важная область. Растет средний класс, и средний класс потребует определенного уровня госуслуг. Эти люди нуждаются не просто в доступе к услугам, а в услуге высокого качества. Если поддерживать модель инклюзивного роста, необходимо сделать так, чтобы домохозяйство, семьи, которые находятся в числе нижних 40%, чей человеческий капитал ниже, чем у верхних 60%, имели возможности получить доступ к более качественным услугам. Они должны иметь возможность более эффективно, производительно работать. И тут в России есть определенные сложности, о чем все присутствующие здесь знают.

Человеческий капитал в России не всегда четко следует за ростом доходов. Я хотела об этом сказать. Это важный момент. Например, в том, что касается продолжительности жизни, уровня состояния здоровья населения. Эти показатели отстают от показателей роста доходов. По расходам все вроде как обстоит хорошо. Вопрос в том, как работают институты, вопрос в ответственности и стимулировании, адаптации системы к потребностям сегодняшней России, а не России вчерашнего дня. Существует значительный разрыв в продолжительности жизни между Россией и западной Европой, тут два объяснения. Это сердечнососудистые болезни и неонатальная смертность. Тут требуются значительные улучшения. В сердечнососудистых заболеваниях требуются серьезные вмешательства, которые могут быть не очень дорогостоящими. Это пакеты помощи, пакеты стимулирующих мер, работа в направлении профилактики сердечнососудистых заболеваний. В западной Европе как раз за счет подобных мер были достигнуты большие успехи в области повышения продолжительности жизни.

Необходимо стимулировать работу институтов в направлении новых целей. В России имеется интересная система с образованием. С одной стороны, большое количество людей повышают свой уровень образования, с другой стороны, часто качество этого образования оказывается недостаточно высоким. Молодые россияне, дети показывают очень высокие результаты, но по мере того, как они продвигаются по разным этапам системы образования, картина несколько меняется.

Уровень возможностей и способностей учащихся и студентов в более практических вопросах оказывается не настолько высоким. Это серьезная проблема в том плане, что необходимо адаптировать те навыки, которые получают учащиеся в школах, институтах и

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

университетах, к потребностям реальной жизни. Это фундаментальная необходимость, это то, к чему система образования пока не пришла. Работодателям нужны конкретные навыки. Мы опрашиваем большое количество компаний, и многие компании жалуются на то, что они не могут найти сотрудников с нужными навыками. Везде есть такие жалобы, но в России жалуются особенно много. Это связано с тем, что не когнитивные навыки высокого уровня недостаточно хорошо преподаются.

Я думаю, что уже говорилось о важности дошкольного образования. Это очень важно, и здесь когнитивные навыки. Важно инвестировать в раннее развитие. Всемирный Банк оказывает программы содействия и будет продолжать. Надо работать по всей системе, особенно после среднего образования, в высшем образовании, продолжать улучшать качество образования.

Три главных вещи в выводах. Первое: в России очень хороший прогресс с точки зрения инклюзивного роста. В последнее десятилетие уменьшен уровень бедности. Вертикальная экономическая мобильность, увеличение среднего класса. Намного труднее будет сохранять этот импульс на перспективу, если не произвести сдвиги некоторые, перебалансировку стратегии и политики в плане увеличения роли частного сектора, конкурентоспособности, продвижения и развития, создания рабочих мест в не нефтяном частном секторе, развития эффективности и подотчетности. Отвечать потребностям различных групп и не забывать о географическом разнообразии. Спасибо большое.

Я. И. Кузьминов: Алексей Васильевич Гордеев.

А. В. Гордеев: Уважаемые участники конференции, позвольте поблагодарить организаторов, лично Евгения Григорьевича Ясина за приглашение и возможность выступить на столь известном и авторитетном экономическом форуме. Мне непросто выступать в этой аудитории, сразу вспоминается изречение: «Глупые мысли приходят ко всем, но умные их не высказывают». Тем не менее, как говорится, мысли вслух. Свой доклад я построю с позиции губернатора одного из российских регионов.

Представляюсь. Я на службу в Воронежскую область пришел шесть лет назад, проработав перед этим десять лет в должности федерального министра. По темпам экономического развития и показателям социальной сферы регион был в числе аутсайдеров.

Важно было быстро, говоря языком Андрея Платонова, вразить в губернские дела и освежить их здравым смыслом. Начать прежде всего с поиска ответа на самые главные вопросы: какова стратегическая цель развития региона, в чем миссия губернатора и региональной власти? Казалось бы, ответ очевиден, его можно сформулировать просто: формирование благоприятной среды для жизни человека и развития предпринимательства. Этот тезис уже здесь звучал. Но потребовалось два года, чтобы эта главная цель дошла до сознания большинства чиновников регионального и муниципального уровня. Я здесь не беру, кстати, в расчет правоохранительную систему, это тема отдельного разговора.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Пришлось не только объяснять, обучать, но и заново выстраивать модель правильной оценки деятельности каждого органа исполнительной власти и каждого должностного лица. Например, что касается губернатора. В ходе работы подтвердилась очевидная истина: если нет доверия к региональной власти со стороны жителей и бизнес-сообщества, то невозможно достичь заявленных целей. Получить доверие жителей, которым ты пришел служить, оказалось гораздо сложнее, чем понравиться начальству.

Какова же была внедрена модель оценки деятельности, то есть ключевых показателей эффективности в отраслевом и территориальном разрезе, KPI, наконец-то чиновники стали выговаривать этот термин. В качестве примера предлагаю рассмотреть муниципальный уровень. В настоящее время существуют десятки показателей оценки деятельности муниципальных районов, установленных нормативно. На практике такой подход размывает понимание ответственности и приоритетности решения задач.

В своей работе, оценивая главу администрации района, мы свели все к двум агрегированным показателям: уровень доверия населения в динамике и отношение предпринимательского сообщества к ежегодным результатам работы районной власти. К оценке показателей эффективности были привлечены общественная и торгово-промышленная палата области, которые имеют высокий статус и авторитет в регионе. Совместно с региональным парламентом мы наделили их дополнительными полномочиями, сделали равноправными субъектами отношения с властью. Пример: торгово-промышленная палата имеет права субъекта законодательной инициативы. Эти организации, каждая по своему направлению, проводят мониторинг оценки деятельности муниципального уровня. Председатель областной ТПП одновременно является уполномоченным по защите прав предпринимателей, мы не стали создавать еще одну маленькую бюрократическую структуру.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что такая модель объективно привела к значительным изменениям в кадровом составе районных администраций. За пять лет в спокойном режиме сменилось 70% глав, при том, что у губернатора нет полномочий назначить или снять с должности эту категорию руководителей. Каждый из них самостоятельно принимал решение работать дальше или уйти на основе вышеназванных объективных данных.

Несколько слов хочу сказать об отраслевом подходе. На уровне области ключевым показателем эффективности деятельности стали немногочисленные индикаторы, существующие по линии отраслевых министерств, прежде всего удовлетворенность граждан, например, такими важнейшими сферами, как здравоохранение, образование, спорт. Поверьте, такой подход абсолютно меняет стиль и целеполагание в работе каждого чиновника. Я сейчас перейду к краткому анализу экономической и социальной ситуации в нашем регионе. Я сам не люблю отчеты подчиненных, это займет буквально 1,5 минуты, но в данном случае важно показать, как трансформация модели регионального управления отразилась на развитии области. Объясню это с использованием нескольких слайдов.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Воронежская область является классическим, весьма крупным российским регионом, с населением порядка 2,5 млн человек. Областной центр – город-миллионник. Как известно, ключевой индикатор, характеризующий экономический процесс – объем валового регионального продукта.

За последние пять лет в сопоставимых ценах он увеличился на 31%, это в два с лишним раза выше среднероссийских темпов. Если говорить о движущем факторе, то это прежде всего рост промышленного производства (в среднем он составил 110% в год, это на порядок выше, чем в России) и опережающими темпами развивалось сельское хозяйство (106% против 103% по стране). Если посмотреть четвертый график, то очень интересно, что инвестиции в основной капитал выросли в два раза.

Экономический подъем, прошедший за последние годы, позволил улучшить ситуацию в социальной и демографической сфере, улучшить качество жизни. По приросту реальных денежных доходов населения мы заняли десятое место в стране, хотя в 2009 году были на 48. За последние пять лет значительно, более чем в два раза, сократилась численность малообеспеченного населения в области. Предыдущие докладчики много об этом говорили. Если в 2009 году мы по этому показателю занимали 71 место среди регионов России, то сейчас десятое.

Экономические и социальные достижения нашли свое отражение в национальных рейтингах, характеризующих состояние деловой среды, тоже здесь можно посмотреть. Условия по формированию благоприятной среды наряду с населением оценивает и предпринимательский корпус. Результаты опроса представителей бизнес-общественности показывают ежегодную положительную динамику. Более половины предпринимателей имеют позитивное мнение о нашей работе. Вот такой краткий итог, надеюсь, понятный и интересный. Он дает, на мой взгляд, право высказать ряд серьезных проблем, на чем я и хотел сделать акцент в своем выступлении.

Предполагаю, что многие выступления будут связаны с развитием институтов гражданского общества, об этом уже говорили выступающие, необходимость их становления и полноценного участия в политических, общественных процессах – все это также крайне актуально и на региональном уровне. Но я лишь коснусь системы государственного управления. Здесь мы с Германом Оскаровичем живем совершенно в разных атмосферах и средах, но почему-то у нас оценки сходятся.

Буду говорить как практик. Недавно и уже не в первый раз благодаря Сбербанку, спасибо Герману Грефу, губернаторам удалось послушать выступление выдающегося специалиста по управлению Ицхака Адизеса. Сравнивая менеджеров России и США, он подчеркнул, что наши управленцы ничем не хуже американских, а может быть, даже выносливее и креативнее. Однако нам, по его мнению, приходится работать в иррациональной системе, где отсутствует атмосфера доверия и уважения.

Сделаю смелое предположение: во многом это следствие именно неэффективной системы государственного управления. Будем говорить прямо: существующая модель

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

функционирования исполнительной власти в стране, ее низкое качество – это уже не проблема, а реальная угроза. Не ставлю задачу в своем докладе дать глубокий анализ ситуации, просто приведу несколько говорящих, кричащих примеров того, как неправильные модели управления влекут за собой деградацию персонала госаппарата.

Совсем недавно проходило совещание достаточно высокого уровня. Я не буду называть фамилии, структуры, чтобы не вводить никого в стресс. Участвовали губернаторы, заместители федеральных министров, руководители профильных научных образовательных учреждений. Была заявлена очень актуальная предметная повестка, но в процессе обсуждения вопросов выяснилось, что тема основного доклада никак не связана с повесткой. Все выступающие – а их было десять человек – говорили о разных, может быть, и важных текущих проблемах, но не имеющих отношения к заявленной ранее повестке. При этом совещание длилось три часа.

Можно, конечно, не обращать внимание на подобные «мелочи», не жалеть время, ресурсы, но прискорбно то, что это показатель недееспособности системы и низкой квалификации кадров. И таких примеров десятки.

Интересно проследить, как за последние годы меняется стиль и тон поручений и резолюций, поступающих из федерального центра в регионы.

Возникает ощущение, что возвращается команда административной системы, в которой нет места пониманию федеративного устройства государства, существования местного самоуправления как отдельной формы власти. Зачитаю выдержку из протокола одного из федеральных агентств, подписанного заместителем руководителем. Это поступило буквально три дня назад. Я цитирую один из пунктов: «Руководителям районных администраций Воронежской и Ростовской области. Исключить посевные работы и оборот земельных участков, необходимых под строительство объекта. Представить перечень земельных участков с кадастровыми номерами, попадающих в зону строительства».

Возникает такое ощущение, что большой федеральный начальник не знает, что у нас частные сельскохозяйственные земли, на них работают частные коммерческие компании. Существуют понятные, внятные юридические процедуры, как решать это вопросы.

Можно предположить, что все это мелкие издержки, но поверьте мне, сегодня подобное встречается регулярно. Здесь явно прослеживается нарастающая тенденция правового нигилизма. Приведу еще один, более существенный, на мой взгляд, пример качества действующих государственных программ и федеральных целевых программ. Уверен, если эти важные и основополагающие документы, на основе которых ежегодно тратятся триллионы рублей, отдать на экспертизу квалифицированных специалистов, большинство программ будет забраковано. Цели не сбалансированы с ресурсами, не существует аппаратов управления программами. Не подводятся промежуточные итоги. К сожалению, это имеет место, я даже могу привести целый ряд примеров, хотя выступал

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

неоднократно, но давайте разберемся с национальными проектами, которые, по сути, уже не живут в реальной обстановке, но мы ежемесячно за них отчитываемся.

Я могу назвать целый ряд других примеров, в том числе и регионального уровня, доказывающих необходимость незамедлительных действий по модернизации управленческой системы исполнительной власти страны. В противном случае имитация деятельности станет нормой для всего госаппарата, что приведет к низкому уровню профессионализма и отсутствию всякой ответственности, в том числе и нравственной.

Еще один пример – работа контрольно-надзорных органов страны. Звучит со всех уровней, включая президента РФ: надо снять пресс с бизнеса! Особенно когда мы говорим о малом и среднем бизнесе. Неоднократно высказывалось: посмотрите, как оцениваются территориальные, федеральные органы, осуществляющие контроль и надзор. Они оцениваются на основе предоставленных актов, протоколов и штрафов. Пока мы не снимем этот мониторинг, естественно, эти органы будут мотивированы с тем, чтобы выставлять те или иные барьеры, соответственно, отчитываться по вышеуказанным документам.

Последний тезис – я не знаю, перебираю ли время, интересно вам это или нет – пользуясь присутствием Игоря Ивановича Шувалова, несколько слов о серьезной проблеме для субъектов. Это положение дел с региональными бюджетами. Есть такой правильный тезис: Россия состоит из регионов. Но сегодня за последние три года мы видим, что совокупный государственный долг вырос в 1,7 раза и составил 2 трлн 100 млрд рублей. Уровень долговой нагрузки субъектов вырос на 10,5%. Расходы на обслуживание госдолга в прошлом году составили почти 110 млрд рублей, в текущем году по прогнозу составят 150 млрд рублей.

Если посмотреть структуру государственного долга, то 64%, две трети – коммерческая задолженность регионов банкам и по ценным бумагам. Конечно, надо с этой темой разбираться, исходя из того, что на сегодня 90% регионы тратят на поддержку тех или иных социальных обязательств. Бюджетные развития как таковые в регионах исчезли, мы превратились в большие кассы при Минфине РФ по выдаче тех или иных средств на социальные нужды. Я бы просил, Игорь Иванович, вас лично взять под контроль и как-то сделать сегодня координацию работы регионов вместе с финансово-экономическими органами страны.

Есть ли оптимизм? Есть. Здесь уже говорилось о человеческом капитале. Я считаю, что у нас в регионах это серьезный недоиспользованный капитал и ресурс. Мы сегодня работаем над этой моделью, как в нашей области создать так называемые первичные институции, которые бы заставили и мотивировать людей поверить, как уже здесь говорил Герман, что на 90% их успех в жизни зависит именно от человека. Здесь, наверно, важно опираться не только на опыт и действия ученых, юристов, экономистов. Наверно, тут нужно поработать всем, создавая модель. Главное в этой модели то, чтобы мы осуществили переход от подданных к гражданам, и это колоссальный капитал. Спасибо.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Я. И. Кузьминов: Спасибо, Алексей Васильевич. Если можно, я вам вопросы задам. Воронежская область отличается тем, что она среди немногих добилась хороших экономических результатов, в том числе без использования федеральных денег. Откуда область брала ресурсы на реализованные экономические проекты, помимо федерального финансирования? Бюджет области, кредитные заимствования, средства частных инвесторов?

Второй вопрос. Вы говорили о реформе контрольно-надзорных функций государства, мы много о ней в последнее время говорим. Скажите, пожалуйста, какая, с вашей точки зрения как губернатора, доля контрольно-надзорных функций могла бы быть просто ликвидирована, ничем не надо замещать? Второе: замещена системой обязательного страхования? И, наконец, какая доля могла бы быть переведена с федерального на региональный уровень сейчас?

И третий вопрос: какие конкретные налоговые полномочия надо отдать региону для того, чтобы лучшая половина стала бы экономически дееспособными? Мы понимаем, что у нас большая региональная дифференциация, но на примере Воронежской области. Чего не хватает из налоговых полномочий?

А. Н. Шохин: Алексей Васильевич, прежде, чем вы будете отвечать на вопросы Ярослава Ивановича, я хотел бы и вас, и всех проинформировать о том, что сегодня заседание Госсовета по малому и среднему бизнесу. Перед заседанием Госсовета Игорь Иванович должен провести антикризисную комиссию. Через 15 минут у нас президиум начнет рассасываться, даже через десять минут. Поэтому одну минуту на три ответа.

А. В. Гордеев: Хорошо, спасибо.

Ярослав Иванович, деньги появились в результате доверия власти и бизнеса, который возник у нас в регионе, в основном это частные инвестиции и банковские кредиты.

Второе: по контрольно-надзорным органам я бы хотел сказать, что у нас примерно 30 центров принятия решения на уровне региона. Сегодня чиновник федеральных территорий больше, чем чиновников региональных, тут есть над чем поработать. Система страхования, конечно, вообще принципиально меняет картину. Ее надо внедрять. Доля – здесь я бы не хотел бросаться цифрами, это надо все посчитать.

Говоря о налоговой системе в стране – это самый сложный вопрос. К этому надо подойти не просто с наскока. Если говорить о резервах, то, конечно, они у нас имеются, мы ставили вопрос на пример уплаты акцизов с реализации алкогольной продукции. Цифры известные, сегодня 60% серого оборота. Я назову их в целом по стране. Если 150 млрд рублей получает бюджет за счет реализации этой продукции, то по подсчетам, цифра эта должна быть 500 млрд рублей. Это, наверно, в первую очередь то, что надо отдать в регионы, где мы точно справимся с задачей администрирования. С учетом замечания Александра Николаевича, спасибо.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

А. Н. Шохин: Я хотел бы дать слово Алексею Юрьевичу Симановскому, но с учетом тех ограничений, о которых я уже сказал. Игорь Иванович хотел бы послушал всех, кому есть что сказать.

А. Ю. Симановский: Спасибо. Сказать что есть, особенно с учетом ограничений. Я буду предельно краток, я считаю, что если говорить о теме сегодняшнего мероприятия, я бы немножко эту тему переформулировал. В моем представлении, применительно к банковскому сектору и задачам, которые решает банковское регулирование, банковский надзор, это скорее не «Старые вызовы и новые риски», а наоборот, это старые риски, новые вызовы. Вызовы, обусловленные теми обстоятельствами, внутренними и внешними, которые переживает страна и мир. Риски, на самом деле, традиционные для банковского сектора любой страны. В этих специфических условиях я исхожу из того, что банковский сектор должен пройти этот период непростой ситуации, слабые должны уйти с рынка, сильные должны укрепить свои позиции на рынке. Российский регулятор не должен поддаваться на соответствующие уговоры и увещевания по поводу того, что надо смягчить регулирование, надо сделать регулирование таким, чтобы все чувствовали себя хорошо. Можно чувствовать себя фактически как угодно, номинально все должны соответствовать. Задача регулятора состоит не в этом, а в том, чтобы проводить нормальный курс регулирования как раз с тем, чтобы оставались сильные, слабые – или уходили, или усиливались.

То же самое касается и функции, которая называется банковским надзором. Если говорить о глобальной перспективе и задаче, потому что у нас глобальные мотивы стоят на обсуждении, это задача перед глобальным регулятором (я имею в виду опять же по линии банковской, по банковскому регулированию) – найти некую сбалансированную модель регулирования, которая... Слова уже найдены, они существуют, поиски ведутся. Это сочетание более простой модели регулирования, по крайней мере, на мой взгляд и судя по названию направления деятельности международного регулятора, переусложнена система регулирования в принципе. Органичное сочетание достаточно простой и понятной системы регулирования, которая должна одновременно позволять оценивать соразмерно состояние дел у разных участков банковского процесса, и одновременно она должна быть рискоориентированной.

Самое сложное – найти простую модель регулирования. Любой регулятор это знает: как только начинаешь регулировать, следует ответ банковского и любого иного регулируемого сообщества, который направлен на то, чтобы преодолеть регулирование. Регулятор делает новый шаг, следует новый ответ. Возникает регулятивная спираль, из нее выбраться уже крайне сложно.

Другая проблема, которая существует – правильный рискоориентированный подход: и регулирование, и надзор, поиск ответа состоит в том, что есть риск, как оценивать риск и как ориентировать регулирование на эти риски. В этом плане задачи и у глобального регулятора, как и у локального регулятора, достаточно серьезные. Мы исходим из того, что, следуя этим задачам и международным заветам, свое регулирование и надзор

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Стараемся развивать. Задача, которая стоит у нас (вместе с банковским сообществом мы ее решаем) – это оздоровление банковского сектора рыночными методами, в данном случае стараемся следовать тем принципам, которые были озвучены Евгением Григорьевичем: свобода предпринимательства, верховенство закона и конкуренция в банковском секторе. Полагаю, что путь нынешнего года и ближайших лет мы пройдем, в назначенные сроки выйдем с банковским сектором, банковской системой, которая будет способствовать экономическому росту и инвестициям, правда, естественно, не забывая, но и ставя во главу угла устойчивость и здоровье банковского сектора, соответственно, кредиторов, вкладчиков, клиентов. Спасибо.

А. Н. Шохин: Спасибо, Алексей Юрьевич, спасибо, что не забыли клиентов банков. Им тоже хотелось бы выжить.

Я хотел бы дать возможность Игорю Ивановичу Шувалову, который сегодня сломал все стереотипы. Традиционно как: приходит высокий гость на конференцию, приветствует и, ссылаясь на обстоятельства, уходит. Игорь Иванович сегодня выслушал все доклады, я хотел бы отдельно за это поблагодарить, поскольку очень важно, чтобы лица, принимающие решения, знали, чем дышит в том числе научное сообщество.

И. И. Шувалов: Спасибо, Александр Николаевич. На самом деле, я всегда прихожу на подобные конференции, это научная конференция, а не экономический форум, как Алексей Васильевич сказал, поэтому, конечно, лучше послушать других, чем самому что-либо говорить. Но организаторы хотели так быстро от меня избавиться, подготовили мне вступительное слово, после чего я мог быстренько покинуть заседание. Все же мне было важно послушать своих товарищей.

Вы знаете, Александр Николаевич начал с шутки по поводу того, что сейчас экономическими вопросами, экономической повесткой занимаются юристы. Потом несколько раз мы шутили, что банкиры предполагают, как правильно построить процесс образования. Не буду повторяться. Вы знаете, когда я учился в университете, то у нас ходила такая шутка, я ее упрощу, приблизительно она звучала так: «Когда ты к более серьезным проектам и вещам не готов, то тебе надо выбрать всего лишь одну из двух профессий: либо экономист, либо юрист». Видите, у нас сегодня как раз в президиуме и юристов, и экономистов хватает.

Но если серьезно, из выступлений, которые сегодня звучали, они все очень важные и интересные, но мне представляется, что наиболее существенной проблемой, важной сердцевинной всей нашей деятельности сегодня должна быть проблема образования, то, что Герман Оскарович говорил. Я опускаю тему государственного управления, поскольку если процесс образования будет построен верно, мы сами научимся себя образовывать и сделаем то, что может быть в нашей жизни самое важное – все время пытаться задавать новые стандарты жизни и ставить для самих себя новые цели.

Очень мне понравился доклад про вопросы бедности и те достижения, которые есть у России, как оценивается средний класс сегодня по стандартам Всемирного банка, какие

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Сложности впереди нас ожидают. Конечно же, это и политическая, и экономическая повестка одновременно. Знаете, мой старый друг и товарищ Алексей Васильевич Гордеев сегодня с очень интересным выступлением был здесь. Конечно же, это и вопросы качества государственного управления, и взаимоотношения федеральных и региональных институтов, построение местной власти и обеспеченность местной власти соответствующими финансовыми источниками для своей деятельности. Это, в общем, вся повестка, по которой мы с той или иной активностью работаем последние много лет.

Отвечая на вопрос Александра Николаевича по поводу того, что же будет в основных направлениях деятельности правительства: мы внимательно следим за тем, что пишет и говорит Евгений Григорьевич, и в какой степени обострения или жесткости эти проблемы будут в этом документе, зависит от того, насколько и как мы пройдем обсуждение этого документа не только внутри правительства. Мы его сейчас в правительстве обсуждаем, но и выйдем все же на обсуждение этого документа с депутатами Госдумы.

Сейчас, вы знаете, через наш парламент проходит новый бюджет. В этой сложной экономической ситуации мы вынуждены были пойти на изменения параметров федерального бюджета. Мы сейчас с депутатами плотно работаем не только по бюджетной тематике, по антикризисной программе, у нас есть четкое понимание, что основные направления деятельности правительства в этот период времени должны быть не просто обсуждены с депутатами, по ним должен быть определен общественный консенсус. Здесь Евгений Григорьевич сказал, что здесь различные социальные группы, правительство, региональные правительства должны найти какую-то повестку, по этой повестке следовать вперед без каких-либо рывков, дерганий и жестких зигзагов, а все же продвигаться вперед. В этом будет определенный успех.

Мне не хотелось бы сегодня, на самом деле, хотя у меня были подготовлены тезисы по поводу экономического развития, но я могу сказать, что в правительстве я работаю и с ВШЭ, и с РАНХиГС, в общем, мы находимся под интеллектуальным влиянием Владимира Александровича Мау, я много что с ним обсуждаю, многие свои выступления, программные документы, но я никогда с ним не обсуждал, например, срок, в течение которого российская экономика будет уже чувствовать себя значительно окрепшей, с построением соответствующих институтов.

Я не знал, что он будет сравнивать этот срок, например, со сроком исхода евреев из Египта и окончанием их основных страданий. Вы знаете, я тоже считаю, что сорок лет и приблизительно предстоящие десятилетия – срок, в течение которого мы должны значительно укрепить свои институты, стать совершенно другой экономикой со значительно большим, по сравнению с сегодняшними параметрами, средним классом и с другим средним и малым бизнесом. Сегодня, кстати, Госсовет проводит президент, где будут обсуждаться меры по развитию малого и среднего бизнеса, в том числе инновационного бизнеса, не такого малого бизнеса, к которому мы привыкли. Его, кстати, критикуют все, кому не лень. Критиковать, конечно, легко, но тем не менее должен вам сказать, что даже такой, какой он у нас сегодня существует, эти кризисные явления нам

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

достаточно легко переживать. У нас нет никаких потрясений на рынке труда, самые жесткие сценарии по безработице не сбываются. Это как раз достижение всего того, что за предыдущие годы нам удалось хоть такой, но малый и средний бизнес в стране построить.

В отношении новых компаний и того, что я услышал, например, про негибкость старых промышленных предприятий и вообще крупных предприятий России. Я согласен с этим тезисом. Знаете, мы сейчас готовим к запуску новый механизм поддержки экспорта, он вот-вот заработает, это будет отдельный институт с бюджетными средствами и пониманием, что мы будем все уровни власти вовлекать для того, чтобы экспорт поддерживать. Здесь тезис Владимира Александровича о том, что это не просто импортозамещение, а экспортоориентированное, конкурентное импортозамещение. Я провожу много встреч с теми, кто сегодня уже экспортирует свою продукцию. Вы знаете, мы много говорим и понимаем, как работает на международной арене Газпром, Роснефть и другие наши гиганты. А вы знаете, например, что у нас с вами есть такие предприятия, которые производят обувь и продают ее в страны ЕС, включая Италию? У нас много предприятий, которые производят одежду и продают в страны ЕС. У нас есть компании, производящие высококачественные продукты питания, которые приобретают в ЕС. Еще много чего у нас есть, об этом мы даже не знаем. Они очень гибкие к ситуации на рынке труда, даже к сложной ситуации с высокими процентными ставками они очень быстро адаптируются.

Когда я провожу с ними встречи, первое, чего они просят – создать ясный и абсолютно прозрачный механизм взаимодействия власти с этими предприятиями. Второе, чего они просят – чтобы мы им перестали мешать. Неделю назад мы с Германом Оскаровичем тоже выступали на большом форуме, это как раз был экономический форум, который проводила московская биржа. Многие ожидают, конечно, достаточно активной повестки от правительства. Мы эту повестку будем вместе с вами согласовывать, продвигаться по ней. Но от тех, кто далек от власти и достаточно уверенно чувствует себя на рынке, сегодня совершенно ясный сигнал власти – перестаньте применять такое количество регулятивного воздействия и так быстро менять законы. Можете хотя бы дать нам спокойно пожить года три или пять? Мы совершенно по-другому будем чувствовать себя, наша рыночная власть будет значительно крепче.

Все, что касается здесь того, что говорили мои товарищи и про конкуренцию, и про барьеры, и про новые рабочие места, качество государственной службы, я поддерживаю. Надеюсь, что у нас будет возможность, в том числе в ВШЭ, встретиться в другом формате, не в рамках научной конференции, а предметно обсудить действия правительства. Когда они будут подписаны председателем, я буду готов прийти, их описать и рассказать подробно, ответить на конкретные вопросы. Спасибо за эту конференцию, она очень полезна. Та повестка, которая в этом большом буклете представлена, это действительно важное мероприятие. Не только в рамках страны, я думаю, что и международного уровня. Спасибо большое, что пригласили.

Глобальные тренды и экономическое развитие в России: старые вызовы и новые риски

Я. И. Кузьминов: Спасибо, Игорь Иванович, за демонстрацию в том числе нового стиля взаимодействия власти и научного сообщества. Я надеюсь, что мы и дальше в таком формате будем работать.

Уважаемые коллеги, весь президиум, посоветовавшись, предлагает закончить наше пленарное заседание и пойти пообедать.